

300 ЛЕТ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ 1718
1718
2018

СЛУЖИМ
РОССИИ - СЛУЖИМ
ЗАКОНУ

ТРИ ВЕКА НА СТРАЖЕ ЗАКОНА

Главное управление МВД России по г. Москве
Редакция газеты «Петровка, 38»

Три века на страже закона

Москва, 2018 год

*ПРОСТО СЛУЖБА ИХ ОЧЕНЬ НУЖНА.
ПРОСТО БУДНИ У НИХ ГРОЗОВЫЕ.
В ЧАС, КОГДА НЕ СЛЫШНА ВОЙНА,
ПОЛУЧАЮТ ОНИ ОРДЕНА И РАНЕНИЯ ПУЛЕВЫЕ...
СКВОЗЬ НЕМЫСЛИМО ДОЛГИЕ СТАЖИ,
ОТ НАЧАЛА СЛУЖБЫ И ВПРЕДЬ —
ИХ ПРОФЕССИЯ: БЫТЬ НА СТРАЖЕ.
ИХ ЗАКОН: СЕБЯ НЕ ЖАЛЕТЬ.*

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Уважаемые читатели!

В 2018 году сотрудники Министерства внутренних дел Российской Федерации отмечают знаменательную дату — 300 лет со дня образования российской полиции. Точкой отсчёта её истории является 5 июня 1718 года — день учреждения в Санкт-Петербурге первой должности — генерал-полицмейстера. В его подчинение вошли канцелярия и младший полицейский персонал, среди которого старосты, караульные, десятские. 23 января 1722 года Пётр I учредил должность обер-полицмейстера в Москве.

При создании полиции Пётр I не только сформулировал программу работы сотрудников, но и подчеркнул важность её роли в существовании государства. Российская полиция в своём развитии прошла непростой путь, претерпев множество реорганизаций и переименований. Но неизменным оставалось её основное предназначение — защита граждан от преступных посягательств.

Трёхвековая история полиции имеет на своём счету огромное количество примеров подлинного героизма. Мы помним поимённо 393-х наших коллег — сотрудников органов внутренних дел, которые отдали свои жизни при выполнении служебного долга ради защиты и спасения граждан. С глубоким уважением мы чтим ветеранов органов внутренних дел, а их у нас более 69 000 человек, и вместе с ними продолжаем сохранять и развивать сложившиеся традиции.

Московская полиция всегда находилась в авангарде исторических событий, она одна из первых принимала на себя удар во время переломных моментов развития нашей страны. Опыт, смелость, решительность, высокий уровень профессиональных знаний и умений позволяют сегодня московским полицейским обеспечивать покой и максимальную безопасность жителей и гостей столицы.

От всей души поздравляю с 300-летием российской полиции!

Желаю всем сотрудникам и ветеранам органов внутренних дел крепкого здоровья, выдержки, верных товарищей и семейного благополучия.

*Начальник ГУ МВД России по г. Москве
генерал-лейтенант полиции
Олег БАРАНОВ*

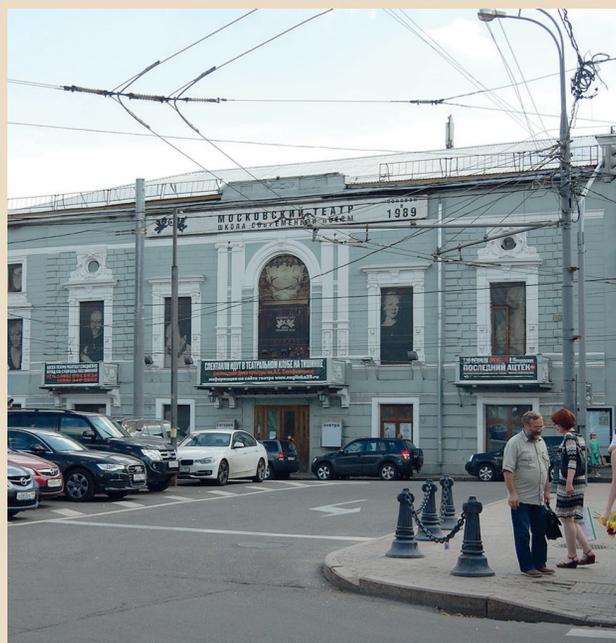
1505 год. Прообраз полиции

Начальное учреждение московской полиции наш великий историк Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) относит к 1505 году. До официального провозглашения полиции было ещё далеко, но её признаки, некоторые первичные функции уже просматривались в начале XVI века в Петербурге и Москве. Да иначе и быть не могло, два крупнейших российских города с непрерывно растущим населением нуждались в защите от воровства, разбоя, пожаров, от хаоса в повседневной жизни городов.

В те времена, когда были установлены решётки по улицам, в исторических хрониках уже появились их описания. Так, немецкий дипломат и путешественник Сигизмунд Герберштейн (1486—1566) посетил Москву с посольствами в 1517 и 1526 годах. Он издал быстро завоевавшую популярность книгу «Заметки о московских делах», в которой описал внешний вид и назначение решёток, да ещё и составил первый (приблизительный) план Кремля.

В Москве, повторюсь, не было полиции, но в каждой части, на которые делился город, было своё особое управление. Оно состояло из объезжих голов, бояр с подьячими (канцелярские служащие в приказах и местных государственных учреждениях Русского государства (XVI—XVIII веков). Подьячие получали денежное, хлебное, иногда поместное жалованье. Различались подьячие на старших, средних и младших. Старший подьячий — ближайший советник дьяка, начальствовал в структурной части приказа (стол, повыеть).

Дьяк (производное от греческого — служитель) в свою очередь был начальником канцелярии разных

ведомств в России вплоть до XVIII века. Были ещё и думные дьяки (XV—XVII вв.), заседавшие в Боярской думе, но имевшие там 4-й (низший) чин.

Были в особых управлениях города решёточные приказчики, которые были начальниками сторожей. Сторожами были городские обыватели, отправлявшие общественную земскую повинность натурою. Такая, в общих чертах, была структура особого управления.

Наказ того времени говорит, что боярин с подьячими и с решёточными приказчиками должны ездить по городу непрестанно день и ночь, а сторожа, расставленные в определённых местах, должны день и ночь непрестанно ходить каждый по своей улице и по своему переулку, подчиняясь непосредственно особым десятским, выбранным из их же среды, и решёточным приказчикам.

Сторожа смотрели, чтобы «бою, грабежу, корчмы и табуку и никакого воровства, и разврата не было, и чтобы воры нигде не зажгли, не подложили бы огню, не накинули ни со двора, ни с улицы». Такой наказ был чрезвычайно важен, ибо пожар в деревянных, соломой крытых строениях города, мгновенно распространялся, принеся горожанам огромный ущерб и бедствия, и сопутствовал мародёрствующим бандитским налётам.

Меры осторожного обращения с огнём были самые строгие. Так, запрещалось сидеть в домах поздно с огнём, печи и мыльни запечатывались от одного до другого указа. Но выпекать хлеб и вообще готовить пищу дозволялось только в поварнях, отдалённых от основного жилища, у кого поварни нет, то дозволено готовить в печах, построенных в земле, в огородах за

двором, защищая их очень надёжно от ветра и сквозняков. Исключение делалось в пользу больных и родильниц, людям чёрной сотни, которым дозволено топить свои печи в ненастные дни дважды в неделю, по воскресеньям и четвергам. Стрельцы и Стрелецкий приказ в 1686 году служили исполнительной полицейской властью.

Любопытно, как при набожном царе Михаиле Фёдоровиче в ночное время караулили в Кремле сторожа.

Когда наступал девятый час вечера, или по-тогдашнему восьмой час ночи, стрелецкая сотня начинает перекликаться. Ворота Кремля затворялись зимою в 8 часов вечера и отпирались всегда после заутрени.

Близ Успенского собора часовой страж начинал первым протяжно и громко нараспев возглашать: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» За ним второй возглашает:

«Святые московские чудотворцы, молитесь Бога о нас!» И третий: «Святой Николай Чудотворец, моли Бога о нас!» Потом стражи Кремля славили города России: Москву, Киев, Суздаль, Ростов. Ярославль и другие. Это обращение за помощью к великим богествам явно напоминало о недостаточной защите москвичей от всевозможных невзгод и об отсутствии правовой защиты, если хотите — об отсутствии хорошо организованной, профессиональной полиции. Россия ждала её родоначальника — Петра Великого.

Самый памятный в числе полицейских чиновников был ещё в старину на Москве земский ярыжка. Одет он был в красный и зелёный кафтан, на груди нашивались две буквы — З и Я, то есть «земский ярыжка». Земство (земское учреждение) было выборным органом местного самоуправления. Земства действовали под контролем властей, в частности Министерства внутренних дел и губернаторов. Которые могли отменять решения земств.

Земские ярыжки исполняли некоторые в нынешнем понимании забавные обязанности.

Земский ярыжка — один из самых древних полицейских чинов на Руси

Когда государь выезжал из города или шествовал в крестном ходе, несколько ярыжек с мётлами и лопатами шли впереди всех, в основном символически очищая дорогу. Кроме такой традиционной забавы земские ярыжки могли без какого-либо указания сверху наводить порядок, если происходила какая-нибудь пьяная свара или драка, они могли задерживать и отводить в суд беспрекословно любого нарушителя правопорядка.

В каждой из частей Москвы высылалась каланча, а на её макушке, огороженной барьером, дежурили два солдата-пожарных. В случае

возникновения пожара они давали звонок вниз, в команду. Пожары уничтожали иногда целые кварталы. Их проще было упреждать, чем гасить примитивной техникой. И всё же пожарные отличались смелостью и мужеством, спасая, вынося из огня людей, особенно стариков и детей.

Внешне Москва росла медленно, не спеша. Но её духовный облик был впереди её внешнего роста.

Эдуард ПОПОВ

300 лет полицейско-милицейским формированиям России

В череде крупных событий и памятных дат российской истории приближается ещё один значимый юбилей — три века полиции-милиции России. Наступит эта дата 25 мая 2018 года по старой системе летоисчисления. Тогда принятый документ назывался длинновато:

УКАЗ Петра I от 25 мая 1718 года

«Пункты, данные С.-Петербургскому Генерал-полицейстеру. — О смотре, чтобы строение домов производилось по указу; о содержании улиц в чистоте; о допущении торговых шалашей в указанных местах; о съестных припасах, о подозрительных домах, о гуляющих людях, о приезжих и отъезжающих; об определении с дворов караульчиков, в каждой слободе или улице старост и при каждых десяти дворах десятского и о распространении повинности постоя на людей всякого чина и звания».

В итоге создаваемой полиции поручались три главные задачи: надзор за благоустройством и санитарией; охрана общественного порядка и борьба с преступностью; обеспечение пожарной безопасности.

Для этих целей в Петербурге учреждались Канцелярия полицмейстерских дел во главе с Генерал-полицейстером, царским денщиком Антоном Дивьером, а со временем и местные органы полиции.

Созданная государственная структура с момента образования и до революции 1917 года называлась полицией, в советское время и в последующий период до 2011 года — милицией, а потом снова — полицией.

Пречистенский полицейский дом

Писатель и историк
Владимир Некрасов

Сначала она подчинялась местным властям, губернаторам. С образованием министерств после 1802 года входила в состав МВД (в 1811–1819 гг. в Министерство полиции). В отдельные периоды переподчинялась органам государственной безопасности.

Хлопот во все времена это беспокойное хозяйство приносило немало. Функции сложные, малопривлекательные, «ассенизационные», но совершенно необходимые в любом государстве.

Полагаю, что за оставшееся до этой даты время в центре и на местах предстоит проделать большую работу: тщательно и беспристрастно, начиная с правительственного уровня, проинвентаризировать фактическое состояние дел в данной сфере, разработать программу реального их улучшения в наше непростое время, укрепить кадровый потенциал, развернуть с привлечением всех возможностей средств массовой информации широкую пропагандистскую работу по объективному показу предпринимаемых усилий для обеспечения правопорядка и хода подготовки по достойной встрече грядущего знаменательного события.

Некоторые могут подумать, что до названной юбилейной даты пока довольно много времени и

Пятницкий полицейский дом. 1914 год

поэтому сейчас начинать такую работу ещё рано. Отвечу так. Если предстоящую дату понимать только как повод для очередных торжеств и одобрительного хлопания, то действительно — рано. Если же интенсивно использовать оставшееся время для настойчивого решения указанных проблем в деятельности полиции, выполнения того, что нужно, но пока ещё не удалось сделать, то в самый раз, а может быть и поздно.

Сошлюсь на опыт подготовки к 200-летию МВД России. В организации этой работы мне довелось принимать непосредственное участие.

Таганский полицейский дом

тие. Тогда такая деятельность началась загодя. Юбилейная дата наступала в 2002 году, а письмо министру внутренних дел Российской Федерации В.Ф. Ерину с предложением начать такую работу было направлено мною в 1994 году, то есть за восемь лет до события. Министр отнёсся к предложению благосклонно и сделал соответствующие распоряжения аппарату ведомства. Это дало возможность продуманно спланировать предстоящие дела, создать в центре и на местах комиссии по подготовке к 200-летию МВД России,

с дальнейшим личным участием в этой деятельности нескольких министров внутренних дел, их заместителей, других руководителей. На места постоянно выезжали бригады для изучения хода такой работы и оказания помощи, с последующим заслушиванием в министерстве как передовиков, так и отстающих. Всё это придавало боевой настрой, дополнительные импульсы в повседневной деятельности.

Творческие коллективы в столице и на периферии создали за эти годы многие значимые труды. Среди них впервые в российской истории разработана и издана двумя тиражами в 25 тысяч экземпляров энциклопедия МВД России, вышли в свет обстоятельные документальные

сборники по истории полиции, милиции, противопожарной службы, три книги о министрах внутренних дел за два века и другие монографии. Были проведены юбилейные научно-практические конференции, Спартакиада МВД России по служебно-прикладным видам спорта, другие крупные мероприятия. Примерно так же можно и теперь представить предстоящую работу по подготовке к 300-летию полицейско-милицийских формирований России.

*Владимир НЕКРАСОВ,
генерал-майор в отставке,
научный консультант Большой Российской
энциклопедии,
доктор исторических наук, профессор*

Суцёвский полицейский дом

Создание регулярной полиции в России

При создании регулярной полиции Пётр I учитывал опыт Франции, где правоохранные структуры к началу XVIII века получили наибольшее развитие. Однако при создании российской полиции не копируется ни один из зарубежных аналогов.

Возведение новой столицы сопровождалось жёстким принуждением к застройке, благоустройству и её заселению. Детальное регулирование строительства, скопление больших масс неукоренившегося трудового, преимущественно мужского населения вызвали необходимость совершенствовать управление вообще и полицейское особенно.

Дело царевича Алексея ускорило создание регулярной полиции в северной столице. Для получения подробных признаний на следствии царь не остановился перед экзекуцией сына. Алексея шесть раз пытали в каземате Петропавловской крепости. И у него вырвали признание, что ради захвата власти царевич готов был даже согласиться на австрийскую интервенцию в пределы Отечества. Его неотвратимо ждал смертный приговор. Верховный суд вынес вердикт 24 июня 1718 года. До этой даты ещё оставалось двадцать дней, царевича «нешадно» били кнутом, а Сенат 4 июня 1718 года уже принял постановление об образовании управления полиции. По официальной версии, царевич Алексей скончался от апоплексического удара, а по ходившим тогда слухам — был задушен, отравлен или забит насмерть кнутом.

Полицейское управление состояло из главной полицмейстерской канцелярии и полицмейстерской команды численностью 41 человек (5 офицеров и 36 нижних чинов).

27 мая (7 июня) 1718 года был назначен первый генерал-полицмейстер северной столицы. Им стал генерал-адъютант императора Антон Мануилович Девиер.

Девиер был иностранцем. Пётр I взял его в пажи во время заграничной поездки. Не обладая большим умом, но будучи энергичным и вкрадчивым, имея привлекательную внешность, живой и весёлый характер, он скоро приобрёл расположение царя, дружбу царицы. Девиер становится царским денщиком, то есть наиболее доверенным лицом Петра I, получает имение, чины бригадира и капитана лейб-гвардии Преображенского полка, звание Его Царского Величества генерал-адъютанта.

Имеет смысл хотя бы кратко изложить сложную судьбу первого генерал-полицмейстера. Женившись на сестре Александра Меншикова без согласия последнего, он приобрёл в его лице смертельного врага. Назначенный в свои 36 лет генерал-полицмейстером, Антон Мануилович Девиер находился в этой должности до 1727 года. В период могущества Меншикова был обвинён в неуважении к царской фамилии (чудовищный оговор), подвергнут пыткам, наказан кнутом «нешадно», лишён всех должностей и чинов, а также дарованного Екатериной I графского титула, имений и сослан в Восточную Сибирь. Позднее командовал охотским портом. В 1743 году императрица Елизавета Петровна вернула его из ссылки, возвратила ему имения, титул, ордена и чины. В 1744 году Девиера вновь назначили на должность генерал-полицмейстера, на которой он состоял до своей смерти.

Возлагая на первого генерал-полицмейстера исполнение полицейских функций, Пётр I дал ему особую инструкцию, состоявшую из 13 пунктов, они обязывали: «... Смотреть, чтобы всё строение было регулярно построено по Его Царские Величества Указу: печи и трубы печные были также по Указу, чтобы никакое строение за линию не выходило, чтобы улицы и переулки были равны и изрядны. Чтобы берега рек и притоков, а также сточные каналы были хорошо украшены, дабы весною и в дожди их не заносило, и чтобы вода нигде не останавливалась... чтобы торговцы не продавали съестных припасов недоброкачественных, а тем более вредных для здоровья, чтобы меры, весы были верные и чтоб цены на съестные припасы объявлялись умеренные... искоренять подозрительные дома, как то шинки, игорные дома, притоны разврата... гуляющих и слоняющихся людей, а также нищих арестовывать и допрашивать...». Ай, да Пётр!

В дополнение к служебной документации и первоначальному составу в подчинение генерал-полицмейстера было направлено 10 офицеров, 20 унтер-офицеров и 160 «добрых», крепких, хорошо обученных солдат. Из казны выделили 200 рублей для устройства шлагбаумов, которые опускались в 11 часов вечера и поднимались на рассвете. По указу Сената в распоряжение генерал-полицмейстера было направлено 90 военнослужащих. На службу в полицию, как правило, направлялись в принудительном порядке. Учреждения не желали расставаться с опытными чиновниками и служащими, чуть ли не по каждому канцеляристу

и солдату Сенат издавал указы. Так, определённый 4 июня 1718 года на службу в полицмейстерскую канцелярию дьяк (в последующем — секретарь, ассессор и советник Главной полицмейстерской канцелярии) служил в Москве, в расправной палате (судебное учреждение при правительствующем Сенате), и никак не хотел ехать в Петербург на службу в полицию. Генерал-полицмейстер Девиер по этому поводу неоднократно обращался в Сенат и требовал от расправной палаты, от московского обер-коменданта, от губернской канцелярии высылки дьяка в Петербург. За дьяком посылались гонцы из Сената и полицмейстерской канцелярии, его предписывалось немедленно взять под караул и силой доставить в столицу. Но и в феврале 1719 года Девиер писал в Сенат, что вот уже прошло 8 месяцев, а «онный дьяк из Москвы не бывал». Увы, Петербург в то время был мало приспособлен и весьма неудобен для проживания.

Эдуард ПОПОВ

«Фундаментальный подпор человеческой безопасности...»

В сборнике «История российской полиции в очерках и воспоминаниях» (Москва: Студия писателей МВД России и Ассоциация журналистов, пишущих на правоохранительную тематику, 2011 год) опубликованы документальные произведения двух лучших криминалистов царского времени: Аркадий КОШКО является автором мемуаров под заголовком «Среди убийц и грабителей», а Иваном ПУТИЛИНЫМ написаны воспоминания «40 лет среди грабителей и убийц». Помимо этих работ, в книгу включено современное исследование «Полиция в истории Российской Империи», подготовленное к печати доцентом кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России Александром БОРИСОВЫМ, кандидатом юридических наук.

В самом начале обстоятельного труда учёного из главного ведомственного образовательного учреждения нашей страны отмечается:

«Полиция в России создаётся в начале XVIII в. [века] в ходе реформ Петра I, целью которых была модернизация российского общества. Он кардинально перестраивает механизм государства, которое становится инструментом решения этой задачи. Важнейшим звеном этого механизма стала полиция.

До XVIII в. полицейские функции осуществлялись различными центральными, местными учреждениями и должностными лицами. Поскольку «допетровская Русь» — это во многом так называемое «традиционное общество», в котором поведение подданных регулируется нормами морали, традициями, а не законами и указами, часто заставляющими людей отказываться от традиционного поведения, существенной необходимости в постоянной, профессиональной полиции не было.

Формирование полиции непосредственно связано и с созданием новой столицы — Санкт-Петербурга, который должен был стать не только политико-административным центром, но и своеобразным символом, образцом «европеизации» России.

В начале 1717 г. Пётр I утверждает генеральный план строительства Санкт-Петербурга, составленный французским архитектором Ж.Б. Леблонном. Он стал первым русским городом, строившимся по плану. Возникает необходимость контроля за соблюдением градостроительного плана и за тем, чтобы поведение жителей столицы соответствовало многочисленным указам, регламентам Петра I, желавшего видеть не только принципиально новый город, но и новых «европеизированных горожан».

25 мая 1718 года издаётся собственноручно написанный Петром I указ, имевший название «Пункты, данные Санкт-Петербургскому Генерал-полицмейстеру», который объявляет о создании полиции в столице».

Как известно, в преамбуле данного указа, от которого и ведётся летоисчисление российской полиции, кратко перечислены её основные задачи как вновь создаваемого

звена в структуре государственного обустройства: «о смотрении, чтобы строение домов проводилось по указу; о содержании улиц в чистоте; о допущении торговых шалашей в указанных местах; о съестных припасах; о подозрительных домах; о гулящих людях; о приезжающих и отъезжающих; об определении с дворов караульчиков» и так далее. Попросту говоря, полиция города на Неве рассматривалась как орган с очень широкой компетенцией. Ведь поддержание соответствующего порядка и борьба с преступностью являлись лишь частью полицейских задач, среди которых было и много других непростых насущных вопросов. И городской полиции непосредственно приходилось участвовать в их разрешении.

Надо особо отметить и то, что Пётр I планировал создание полиции во всех городах страны. А в них должны были создаваться новые органы городского управления — магистраты, которым надлежало взять на себя содержание полиции.

Обратимся к Регламенту Главному магистрату 1721 года, и в этом документальном источнике — в специальном разделе «О полицейских делах» — Петром I были сформулированы, если использовать нынешнюю терминологию, основные задачи стражей порядка. Полиция должна была не только обеспечивать спокойствие и благоустройство в городе, так как она «всем безопасность подает от воров, разбойников, мошенников и обманщиков...», но и также «препятствует дороговизне [...] в домах запрещает излишество [...] воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках [...] полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков, фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства».

В уже цитированной работе Александра Борисова по поводу полицейских дел и планировавшегося но-

каналъ рѣки Мойки у Польскаго моста.

Фототипо-гравюра Т.и. «Образчик»

вовведения, в целом, обоснованно констатируется:

«...Такой взгляд Петра I на задачи полиции соответствовал взглядам XVIII в. на роль государства, в частности, полиции в жизни общества. Он, как сторонник идей Просвещения, верил, что воспитанные государством с помощью полиции и постоянно контролируемые ею подданные будут жить в соответствии с «разумными законами», руководствуясь интересами «общественного блага», что низведёт преступность к случайным явлениям.

Своеобразная традиция, заложенная Петром I, рассматривать полицию, как отвечающую за многие сферы общественной жизни, и возлагать на неё многочисленные административно-хозяйственные функции сохранилась вплоть до последних дней её существования.

В отечественной и особенно зарубежной историографии часто принято писать о «полицейском засилье» в Российской Империи и рассматривать её как «полицейское государство». Но стремление русского государства регламентировать полицейскими мерами социальное поведение и даже частную жизнь подданных являлось в значительной степени только декларацией. Это стремление не могло быть реализовано «...во-первых, из-за явного и скрытого саботажа населением правительственных указов и, во-вторых, из-за слабости государственного аппарата».

Уместно будет напомнить, что магистраты были созданы не во всех городах. Вследствие экономических трудностей и определённой «социальной инфантильности» городских сословий получилось в итоге явное несоответствие задуманному в поддержку широко понимаемому «общему благу»: ведь там, где всё же создали магистраты, эти власть предержавшие той стародавней поры вовсе не хотели содержать полицию...

Помимо северного града «на едином острове» — Санкт-Петербурга, в 1722 году, то есть при Петре Великом, полицию создали и в Москве «как второй столице и царской резиденции».

Александр ТАРАСОВ

«Рождает добрые порядки...»

В январе 1721 года был издан Регламент Главного Магистрата. В этом документе указывалось, что полиция «споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и... всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет и принуждает каждого к трудам и честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне и приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домах [...], призывает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках...».

Надо упомянуть, что стараниями генерал-полицмейстера Антона Девиера в Санкт-Петербурге в том же году были установлены первые фонари, а также и скамейки для отдыха.

Тогда же организовали пожарную охрану. Нельзя не сказать и о том, что в ту пору полиция обладала полномочиями судебной инстанции и, соответственно, имела возможность назначать наказания по уголовным делам.

Но возвратимся к вызывающей большой интерес колоритной исторической личности — первому генерал-полицмейстеру города на Неве. Достоверно известно, что на дальнейшей судьбе Антона Мануиловича весьма замысловатым образом отразились, так сказать, особенности его... женитьбы.

...В июле 1712 года состоялась свадьба Антона Девиера и Анны Меншиковой. Её брат, Александр Данилович Меншиков, был против этого брака. И даже

более того: Меншиков избил и оскорбил Девиера, когда тот попросил руки сестры светлейшего князя — любимца Петра I. Но царь приказал своему сподвижнику отдать Анну Даниловну (а она в это время уже была беременна первым ребёнком) замуж за просителя. Фельдмаршалу Меншикову поневоле пришлось смириться на какое-то время и ждать своего часа...

В 1727 году генерал-лейтенант Девиер, по поручению императрицы Екатерины I, совершил поездку в Курляндию. Поводом для этого «инспекционного вояжа» графа стали жалобы курляндцев на Меншикова, который пытался завладеть герцогским престолом. Побывав там, Антон Мануилович затем сделал доклад императрице, который был против Меншикова. Позднее, в том же году, Девиер активно выступил и против намерений Александра Даниловича выдать свою дочь Марию за наследника престола Петра Алексеевича — будущего императора Петра II.

В общем, этот эпизод ещё больше обострил неприязнь всесильного Меншикова к зятю, и вскоре, в апреле 1727 года, Девиер был взят под караул. По указу 27 мая 1727 года опальный государев муж был обвинён в намерении устранить от наследования престола Петра II и в попытках воспрепятствовать выполнению духовного завещания Екатерины I, лишён дворянства и титула, чинов, имений, бит кнутом и сослан в Сибирь. А жене Девиера с детьми приказали «жить в деревнях своих, где она пожелает». Анна Даниловна предпочла два села: Торхово Тульского уезда и Поветкино Веневского уезда (Тульская губерния Российской империи). Ей, матери четверых детей, суждено было умереть после смерти мужа и быть похороненной в родовом склепе в Поветкине.

Двенадцать лет Антон Мануилович провёл в Жигановском зимовье, что располагалось в 800 вёрстах от Якутска. Небезызвестен тот факт, что первоначально компанию Антону Девиеру составлял бывший комендант Санкт-Петербурга Григорий Скорняков-Писарев, которого в 1731 году, за нехваткой грамотных специалистов, назначили сборщиком ясака — натуральной подати — в Охотске. Однако на Скорнякова-Писарева столь часто шли жалобы от местных жителей, что в конце концов императрица Анна Иоановна решила его заменить «добрым и совестливым человеком». И наиболее подходящей кандидатурой оказался

как раз Девиер, ставший в апреле 1739 года начальником Охотского порта. Описав и распродав имущество своего предшественника, преемник выплатил гарнизону задолженное за несколько лет жалованье. А ещё затем — быстро закончил снаряжение Второй Камчатской экспедиции Беринга, завершил строительство Охотского порта и одновременно основал школу, превратившуюся впоследствии в Штурманское училище сибирской флотилии.

1 декабря 1741 года последовал именной указ императрицы Елизаветы Петровны об освобождении Антона Девиера из ссылки, «с отпущением вины». Правда, сам указ пришёл в Охотск только в июне 1742-го, и лишь в начале следующего года Антон Мануилович прибыл в град Петров.

Высочайшим указом от 14 февраля 1743 года Девиеру были возвращены ордена и графский титул, а также поместье в Валуйском уезде Белгородской губернии с 1602 душами крестьян из имений Меншикова и состоявшую из 180 дворов деревню Ревгульский погост Кексгольмского уезда (Выборгская губерния).

Произведённый 15 июля 1744-го в генерал-аншефы, граф А.М. Девиер вновь был назначен генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга. Но перенесённые Антоном Мануиловичем тяжёлые испытания подорвали его здоровье, и он 24 апреля 1745 года вследствие заболеваний удалился в отставку «вплоть до выздоров-

ления». Увы, оно так и не наступило: 24 июня (6 июля — по новому стилю) 1745 года Антон Мануилович Девиер скончался в 70-летнем возрасте и через три дня был похоронен на Лазаревском кладбище Александроневской лавры. Могила первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга не сохранилась.

Дочь Антона Девиера была фрейлиной Екатерины I, а из троих его сыновей-графов наиболее успешной получилась карьера у Петра Антоновича. Камер-паж Екатерины I (в 1722 г.), он в 1737-м — поручик армии, в 1742-м — капитан, в 1744-м — камергер в чине бригадира (по табели Петра I), в 1752-м — генерал-майор, а в 1755-м — генерал-лейтенант. Петром III граф П.А. Девиер был произведён в полные генералы. Пётр Антонович, уволенный Екатериной II в отставку в 1762-м, прожил шесть десятков лет и умер в 1763 году.

Герб русских графов Девиеров, высочайше утверждённый 3 ноября 1801 года, был внесён в VI часть «Гербовника» (в числе графских родов, на основании Высочайшего повеления от июня 1801-го по грамоте 1743 г.) под № 3. На этом геральдическом родовом символе гербовый щит увенчан дворянским шлемом с графской короной.

Александр ТАРАСОВ

Первый генерал-полицмейстер

7 июня (27 мая — по старому стилю) 1718 года царь Пётр I учредил в Санкт-Петербурге Главную полицию. Первым на должность генерал-полицмейстера в стольном городе на берегах Невы был назначен Антон ДЕВИЕР.

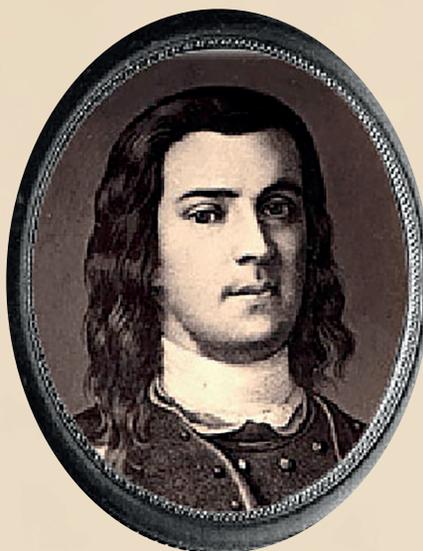
Он родился в Амстердаме в 1682 году в бедной семье, и настоящее имя этого государственного деятеля — Antonio Manuel de Viera. А уже в России его звали созвучным именем, то есть Антоном Мануиловичем Девиером.

Когда умер отец будущего главного полицейского нашей северной столицы, Антон Девиер пошёл юнгой на голландский флот. В 1697 году юноша на проходивших в Голландии морских манёврах встретился с царём Петром I, по личному приглашению которого поступил на российскую службу.

По отзывам современников, замечательные способности, редкая находчивость и аккуратность в выполнении получаемых им заданий обратили на Девиера внимание Александра Даниловича Меншикова (ближайшего сподвижника Петра I), взявшего его к себе из офицеров уже Преображенского лейб-гвардии полка в адъютанты. В июле 1708-го Антон Мануилович стал ротмистром, осенью того же года его повысили в чине до майора, а позже — до подполковника гренадёрского полка.

По прошествии трёх лет, в июле 1711 года, Антон Мануилович Девиер вместе с Павлом Ивановичем Ягужинским получил чин генерал-адъютанта. Надо пояснить, что данный чин был учреждён специально для них.

Благодаря своим качествам способного, исполнительного и честного человека, Девиер сумел завоевать расположение Петра I и его семьи, став личным денщиком царя. Являясь с уже упоминавшейся поры — июля 1711 года — генерал-адъютантом Петра I, Девиер с 1716-го был капитаном гвардии. Немного раньше, 12 ноября 1715 года, царь отправил, можно сказать, своего

приближённого Девиера в Ревель руководить строительством морского порта.

На посту петербургского генерал-полицмейстера чиновник высокого ранга ведал всеми вопросами городского хозяйства. К слову, летом 1718 года Девиер обратился в Сенат с просьбой выслать ему нормативные акты, которыми полиция должна руководствоваться, а также — обнародовать «царскую волю», обязывавшую жителей столицы выполнять требования генерал-полицмейстера.

При этом его пожелание об обеспечении полиции «потребным числом людей» не было выполнено должным образом. Вот почему к концу 1718 года персонал Полицмейстерской канцелярии состоял, не считая самого генерал-полицмейстера, всего-то из 41 человека: 1 майора, 2 капитанов, 2 прапорщиков, 2 вахмистров, 2 сержантов, 4 каптенармусов, 4 капрапов, 22 рядовых и 2 писарей-подьячих.

6 января 1725 года Девиер был произведён в генерал-майоры. Он после смерти Петра I активно выступал за передачу власти Екатерине I, которая взошла на императорский трон 28 января 1725 года.

Антон Девиер вскоре, 21 мая, был награждён орденом Святого Александра Невского, 24 октября 1726 года возведён в графское достоинство. А через два месяца, 27 декабря, Девиер был пожалован чином генерал-лейтенанта. О дальнейшей его судьбе будет рассказано в следующем материале.

Александр ТАРАСОВ

О Генералѣ - Полиціймейстерѣ.

Всепресвѣтлѣйшій , Державнѣйшій , ПЕТРЪ Великій Императорѣ и Самодержецѣ Всероссійскій указалѣ по имянному своему Императорскаго Величества указу , для лучшихъ порядковъ , въ семѣ городѣ бытъ Генералу Полиціймейстеру , Его Императорскаго Величества Генералу-Адъютанту Дивіэру , и даны ему за Его Величества собственною рукою пункты , какѣ ему оное врученное дѣло управлять . Того ради всѣмѣ жипелемѣ вѣдѣшимѣ объявляется , ежели что будетѣ до нихѣ во ономѣ управленіи касаться , бытъ въ томѣ послушнымѣ , и никтоѣ не вѣденіемѣ не опговаривался .

Іюня вѣ 7 день.

«Всех правосудием довольствоваться...»

22 сентября 1732 года было объявлено об увеличении штата генерал-полицмейстерской канцелярии. Таким образом, в помощь петербургскому обер-полицмейстеру назначались, помимо некоторых других лиц, 30 канцеляристов. А ещё дополнительно — на годовую службу — вводился наряд в 135 человек из Санкт-Петербургского гарнизона.

Именным указом (от 22 сентября 1732 года) генерал-полицмейстер обязывался «определить» полицию в Кронштадте в составе: полицмейстера в чине капитана, двух поручиков, нескольких канцелярских служителей. Для выполнения полицейских функций из кронштадтского гарнизона направлялись двадцать четыре рядовых, три капрала и два унтер-офицера. Каждые полгода их следовало заменять.

Спустя более полугодия, 23 апреля 1733-го, по докладу Главной полицмейстерской канцелярии («Об учреждении полиции в городах») императрица Анна Иоанновна одобрила создание полиции в 23 самых крупных городах страны.

Весьма примечательно, что 10 декабря 1734 года был издан сенаторский указ, запрещающий губернским и воеводским канцеляриям помещать под арест полицейских без согласования с полицейскими конторами.

В 1736 году Кабинет Министров посчитал, что откомандирование военнослужащих из своих полков «без крайней нужды» надо отменить. При этом формирование полиции не подпадало под это определение, то есть не рассматривалось как «крайняя нужда».

Следует пояснить, что предполагалось для каждого города устанавливать штатную структуру полиции, исходя из его финансовых возможностей. Иначе говоря, расходы на полицию должны были идти из городских сумм.

На службу в полицию рекомендовалось принимать прежде всего отставных военных и гражданских чиновников («ибо из отставных многие требуют пропитания... и сами охотно при тех делах служить помыш-

ляют»). Содержание полиции повсеместно, кроме Санкт-Петербурга и Москвы, решили возложить на восстановленные городские магистраты.

Любопытно, что 28 июля 1741 года была создана торговая полиция (как отделение Главной полицмейстерской канцелярии) в составе советника и ассессора — с целью «смотрения за продажей харчевых припасов и установления оным цен».

24 мая 1742 года, при Елизавете Петровне, генерал-полицмейстером назначили Алексея Даниловича Татищева (1697—1760). Действительный камергер и участник Русско-турецкой войны 1735—1739 годов, он был произведён в генерал-поручики, с одновременным переводом указанной должности (генерал-полицмейстера) из пятого в третий класс «Табели о рангах» (то есть выше президентов коллегий, состоявших в четвёртом классе). Государыня тогда же предписала Сенату «повелительных указов» Татищеву «... не посылать, кроме, что принадлежать будет для ведома, а ежели на подчиненных его в каких обидах и взятках будут челобитчики по полицейским делам и должности, оных для рассмотрения отсылать к нему, генерал-полицмейстеру, кото-

рый имеет всех правосудием довольствоваться, как указы повелевают».

На указанном посту, который А.Д. Татищев занимал до самой смерти, он добился относительно полной самостоятельности: с 1746 года генерал-полицмейстер стал подчиняться непосредственно императрице, а его требованиям должны были оказывать всяческое содействие. 20 августа (10 сентября — по новому стилю) 1757 года Татищев в последний раз удостоился высочайшей милости — был произведён в генерал-аншефы.

По оценкам исследователей, Алексей Данилович проявил себя вполне крепким и толковым администратором. При нём в «Санкт-Петербургских ведомостях» регулярно публиковались таблицы с обязательными ценами на продукты питания, превышение которых (цен) каралось значительными штрафами. Известно, что под руководством Татищева была осуществлена капиталь-

ная реконструкция центра города, построен Аничков дворец, заложен Смольный монастырь, устроены новые фабрики и заводы. Среди предписаний, которые были направлены на поддержание порядка в городе, — указы о запрете быстрой езды, о борьбе с нищенством, а также о том, чтобы жители (горожане) «для забавы по птицам из ружей не палили».

Надо уточнить, что, оставаясь петербургским генерал-полицмейстером, Александр Данилович параллельно осуществлял и управление тюрьмами. По замечанию биографа Татищева, «изобретательность не оставляла его в этой деятельности». Однажды он предложил выжигать на лбу у преступников клеймо «вор». У Александра Даниловича спросили, а как следует поступить, если впоследствии выяснится, что наказанный невинен. Чиновник ответил, что в таком случае у ошибочно «заклеймённого» на лбу перед словом «вор» выжгут частицу «не».

В прямом смысле Татищев пытался расширять географические пределы своей деятельности. Так, по его приказу в 1759 году две роты драгун предприняли рейд, в ходе которого дорога, связывавшая Петербург и Москву, была очищена от разбойничьих шаяк. В это

же время в самом граде Петровом полиция провела операцию по закрытию воровских притонов и публичных домов. Впрочем, подобные мероприятия носили, можно сказать, регулярный характер. В частности, стражи порядка довольно строго выполняли приказ Татищева, предписывавший осматривать трактиры, и, в случае обнаружения в них непотребных женщин, «оных, допроса, высечь... и из тех домов выбить вон». Кроме того, в целях соблюдения благочиния на улицах столицы, полиции также предписывалось не допускать продажи спиртного в ближайших к храму домах. «Пристойный» вид домов в центре города на Неве поддерживался указами, запрещавшими вывешивать бельё и рекламные вывески «своих мастерств». Ведь, помимо всего прочего, большинство из таких вывесок отличались редкой безграмотностью и «наружным безобразием».

Генерал-аншеф Алексей Данилович Татищев, который скончался в сентябре 1760 года, был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Александр ТАРАСОВ

Благочиние в селе и городе

В петровскую пору развитие полиции, по оценке историков, тормозилось вследствие ряда объективных факторов. И один из них был связан с тем, что после окончания Северной войны Пётр I не сократил армию, а разместил её в городах, возложив на ратный люд функции охраны правопорядка, борьбы с преступностью и обязанность по сбору налогов.

К тому времени полицейские силы уже действовали как в Петербурге, так и в Москве. В 1733 году полиция была создана ещё в двадцати трёх городах Российской империи. Причём в качестве важной причины для расширения полицейской структуры в стране послужило то, что военным руководством было отмечено крайне плохое санитарное состояние в этих городах, из-за чего вполне реальной воспринималась угроза возникновения губительной эпидемии.

Как известно, полиция городов подчинялась генерал-полицеймейстеру. А формировалась она из офицеров, которые были откомандированы из армии или вышли в отставку.

В период формирования полицейской системы она, конечно же, столкнулась с рядом неизбежных трудностей. Спустя четверть века после предпринятого Петром I начала её организационно-структурного построения граф Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих) Остерман (1686—1747), крупный государственный деятель той эпохи, написал об очевидном факте: «полиция доселе неустроена». Да и по её комплектованию не всё шло гладко. Ещё бы, ведь дворяне весьма неохотно поступали на полицейскую службу, которой многие из них предпочитали более престижную и лучше оплачивавшуюся военную деятельность. Тот же граф Остерман с целью повышения значимости, а значит — престижа, специфического труда блюстителей порядка предложил увеличить жалование полицейским офицерам и повысить их в чинах, однако этого так и не было сделано. Забегая вперёд, надо выделить, что возникшие в начале истории российской полиции проблемы — с кадрами, престижностью самой службы и материальной обеспеченностью штатного состава — оставались злободневными и нерешёнными вплоть до последовав-

шей в дальнейшем её ликвидации.

По словам известного отечественного историка Сергея Михайловича Соловьёва (1820—1879), «всякий раз, как правительство обращалось к полиции с выговором, та отвечала, что не в состоянии охранять порядок по недостаточности сил, находившихся в её распоряжении».

Тем не менее соответствующее поступательное движение по совершенствованию новой формы правоохраны в государстве продолжилось, и очередной этап в летописи российской полиции был ознаменован реформами, задуманными Екатериной II. Императрица составила план реорганизации государственных учреждений, в котором среди приоритетных направлений рассматривалось развитие полицейского дела. В указанном плане на третьем месте стояла задача, согласно которой надлежало «...учредить в государстве хорошую и точную полицию».

Среди регламентирующих документов (так называемых «наказов») Екатерины Великой, данных императрицей государственным учреждениям, был «Наказ Главной полиции». Позже его опубликовали в тематическом издании в Санкт-Петербурге (Наказ Главной полиции. Сборник Русского Императорского исторического общества. — СПб: 1879. Том 34).

Несмотря на все его недочёты, этот императорский «наказ» очень важен для исследователей истории полицейского дела в Государстве Российском. В научной работе кандидата исторических наук Александра Борисова, доцента кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, по поводу «Наказа Главной полиции» и по другим аспектам реформирования констатируется:

«...Он носил декларативный характер, но представляет интерес для понимания требований власти к полиции и её служащим. Императрица считала, что полиция должна действовать прежде всего «по правилам справедливости, нежели по точной силе законности». Начальник полиции и его помощники должны быть «освобождены от всякого недостатку (в материальном смысле), чтобы могли избежать того, что может повредить чистоте их совести». Полиция должна была обладать правом наказывать всех, «выражающих непочтение к ней и её служащим».

Реализация плана Екатерины II по развитию полиции была ускорена восстанием под руководством Е. Пугачёва, подавленным в 1775 году. Восстание обуславливалось не только недовольством крестьян, но и слабостью местного административно-полицейского аппарата, не справившегося с предотвращением и ликвидацией проявлений массового неповиновения властям.

В 1775 году проводится «губернская реформа» Екатерины II, в результате которой в каждом уезде создаётся полицейский орган — нижний земский суд, действовавший вне пределов уездного города. Тем самым создаётся сельская полиция. Формировалась она из дворян уезда и возглавлялась капитан-исправником, утверждавшимся и подчинявшимся губернатору. Её создание было важным событием в истории России, подавляющую часть которой составляло сельское на-

селение. После этого Россия даже при крепостничестве не знала широкомасштабных крестьянских выступлений. Это объяснялось не только тем, что полиция обеспечивала контроль за крестьянами и их повиновение помещикам. В определённой мере реализовалось требование Екатерины II о том, чтобы полиция действовала по справедливости и была бы «властна над всеми... какого бы звания он ни был», включая дворян-помещиков».

В целом, созданные Екатериной II органы сельской и городской полиции, наделённые правами контроля фактическим за всеми сферами жизни общества, просуществовали с определёнными изменениями до 1862 года.

Помимо того, Екатерина Великая унифицировала организацию и деятельность городской полиции, издав в 1782 году «Устав Благочиния или полицейский». В соответствии с данным уставом, определялись порядок организации и структура городской полиции. Следует упомянуть, что она возглавлялась городничим или полицмейстером, назначавшимся губернатором. По внедрённому в практику нововведению, город был поделён на полицейские части (во главе их стояли частные приставы) и кварталы. Возглавлялись они, в свою очередь, квартальными надзирателями. Каждому из них вменялось в обязанность знать всех жителей квартала и ведать об источниках их доходов, отношениях в семьях на подведомственной территории и так далее.

В компетенцию Управы Благочиния, помимо полицейских, входило и выполнение административно-хозяйственных функций. А ещё она рассматривала и решала мелкие уголовные дела.

Александр ТАРАСОВ

Главный директор

Именным указом от 21 марта 1762 года была введена должность Главного директора над всеми полициями, который подчинялся непосредственно государю — императору Петру III. Согласно субординации, в подчинении у этого высокопоставленного чиновника, Главного директора, находились оба генерал-полицмейстера, служивших в столичном Санкт-Петербурге и Москве.

Буквально уже на следующий день, в соответствии с императорским указом от 22 марта 1762 года, Главному директору над всеми полициями Николаю Андреевичу Корфу (1710—1766) было поручено учредить полицмейстеров в тех провинциях и городах, где он сочтёт нужным. Причём губернаторы и воеводы не только не могли взыскивать с полицмейстеров, если они «в чем-либо поступят против должности и звания своего», но «по делам полицейским» поставлены в зависимость от Главной полиции. Одновременно Экспедиция для розыска воров и разбойников (действовала в Санкт-Петербургской полиции), учреждённая в 1746

году в составе Главной полицмейстерской канцелярии, была передана в столичную губернскую канцелярию.

Барон Николай Корф, генерал-аншеф и действительный камергер, родился в Лифляндии в родовом имении Прекульн и происходил из старинного немецкого рода, ведущего свою генеалогию от рыцарей-крестоносцев. Надо отметить, что как раз в год рождения будущего сенатора Николая Андреевича Лифляндия была завоевана Петром I, и юный Корф, подобно многим своим соотечественникам, поступил на русскую службу. К 30-летнему возрасту он дослужился до звания премьер-майора в кавалерийском Копорском полку и даже породнился с царствующей династией, женившись на Марте Скавронской — двоюродной племяннице Екатерины I.

Благодаря этому при императрице Елизавете он стал быстро продвигаться по службе. Как известно, по воцарении Елизаветы Петровны Николай Корф был от-

правлен в Киль, чтобы привезти оттуда племянника императрицы герцога Петра Ульриха, впоследствии императора Петра Фёдоровича (Пётр III). 5 февраля 1742 года Корф благополучно прибыл с молодым герцогом и в тот же день был пожалован придворным чином действительного камергера. В ноябре того же года Николай Андреевич ездил в Швецию, с поздравлением к вновь избранному наследнику шведского престо-

ла Адольфу Фридриху. Его избрание очень порадовало императрицу, так как обеспечивало со стороны Швеции признание Петра Фёдоровича наследником России.

15 июля 1744 года Корф удостоился ордена Святого Александра Невского. Кавалеру одной из высших российских наград опять поручили «дело государственной важности», которое могло быть доверено лишь человеку безусловно верному и близкому, — перевезти Брауншвейгскую фамилию из Раненбурга в Соловецкий монастырь. В начале сентября Корф вывез с места тогдашнего заключения всё это не-

счастное семейство. Между прочим, Николай Андреевич бывшего императора, Иоанна Антоновича, вёз всё время под своим непосредственным надзором.

30 марта 1758 года Корф, уже в чине генерал-поручика, был назначен генерал-губернатором Кёнигсбергским, а в конце 1760-го он, наместник Восточной Пруссии, стал Санкт-Петербургским генерал-полицмейстером. Думается, уместно будет напомнить некоторые яркие исторические факты той поры. В 1762 году учредили Комиссию о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы. Был достроен Зимний дворец и заложена церковь Иконы Владимирской Божией Матери, а также начаты работы по созданию гранитных набережных реки Мойки и Екатерининского канала. На собранные Корфом пожертвования открыли больницу для чернорабочих и Дом призрения для убогих. А ещё был издан указ об учреждении пикетов для прекращения пьянства, ссор и драк.

С воцарением же императора Петра Фёдоровича, вступившего на престол в январе 1762 года, Николай Андреевич — генерал-аншеф, получил орден Святого Андрея Первозванного. В соответствии со своими полномочиями Николаю Корфу, занявшему 21 марта 1762 года ответственный пост Главного директора над всеми полициями, надлежало вносить соображения, иначе говоря — какие-либо обоснованные предложения, о реорганизации полицейского управления в городах империи.

В свою очередь, должность генерал-полицмейстера Петербурга занял Иван Иванович Юшков (скончался в 1786 году) — генерал-поручик, тайный советник, президент Камерг-коллегии в 1760—1762 годах. Следует уточнить, что кавалер императорского ордена Святой Анны Иван Юшков, который впоследствии (в 1764—1773 годах) был московским гражданским губернатором, генерал-полицмейстером в городе на Неве являлся с 1762 по 1764 год. Правда, поскольку большинство сотрудников столичной полиции вместе со своим предыдущим руководителем Николаем Корфом перешли в новую управленческую структуру

— Главную полицмейстерскую часть, то Иван Юшков фактически оказался без собственного административного аппарата. В общем, его пришлось укомплектовывать заново, на что потребовалось значительное время, поэтому эта задача была решена по сути лишь при следующем петербургском генерал-полицмейстере Николае Ивановиче Чичерине (1724—1782) — генерал-аншефе, сенаторе, кавалере нескольких орденов. К слову, Николай Чичерин был генерал-полицмейстером с 1764 по 1778 год.

По штату Главной полиции «с подведомственными оной местами», высочайше утверждённому 31 декабря 1763 года, должность Николая Корфа (Главного директора) была ликвидирована. А сенатором он оставался при императрице Екатерине II до 1765 года, то есть почти до конца своего земного пути.

Ставший неординарной исторической личностью барон Николай Андреевич Корф, российский государственный деятель, скончался 24 мая 1766-го, на 56-м году жизни.

Александр ТАРАСОВ

С целью активизации административного усердия

В 1800 году, то есть при императоре Павле I, полиция была признана как «часть гражданская». Тем не менее данная структура продолжала формироваться, как и прежде, из солдат и офицеров, которые носили воинские звания. Особо следует отметить то, что для полицейских ввели специальные жетоны, с обозначением должностей блюстителей порядка. Как известно, в городах тогда создавались военизированные военные команды, в которые входило по двадцать пять конных и пеших солдат и унтер-офицеров.

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России кандидат исторических наук Александр Борисов в своём исследовании, посвящённом созданию и деятельности полиции в Российской империи, констатирует:

«...Павел I считал, что в последние годы правления Екатерины II ослабли порядок и дисциплина в деятельности государственного аппарата и в жизни общества. С помощью полиции он попытался усилить контроль за подданными, включая и дворян, регламентировать их поведение. Он наделил полицию правом следить за «добросовестным отношением гражданских чиновников к своим обязанностям» и даже контролировать ношение ими определённого вида одежды.

Павел I, веривший в безграничные возможности государства, поставил перед полицией задачу «искоренить шайку воров и разбойников», причём «не увеличивая полицию чрезмерно». Для того, чтобы активизировать административное усердие полицейских руководителей, он возложил на них материальную ответственность в случае хищения казённого имущества.

В отечественной историографии существует мнение, что одной из причин недовольства и убийства Павла I дворянами была мелочная регламентация их жизни полицией.

Очевидно, поэтому одним из первых распоряжений нового императора Александра I был изданный в апреле 1801 г. Указ «О подтверждении полицейским чинов-

никам, чтобы они [за] границы своей должности не выходили», в противном случае они «не избегнут наказания».

Были отправлены в отставку столичный и московский обер-полицмейстеры, а также руководители полиции многих крупных городов. Александр I понимал, насколько престиж власти зависит от полиции, деятельность которой во многом определяется её руководителем. Он поручил своему генерал-адъютанту искать и представлять ему достойных, пользовавшихся уважением в обществе людей, способных возглавить полицию крупных городов».

Уже в следующем, 1802-м, году в империи провели реформу органов центральной власти, и в результате были созданы министерства. Нельзя не напомнить, что самым большим и многофункциональным из них стало МВД — Министерство внутренних дел, в компетенцию которого вошло и руководство полицией.

Соответственно, были осуществлены необходимые организационные мероприятия. При этом уместно будет упомянуть, что в структуре Департамента внутренних дел МВД для руководства полицией была образована Экспедиция спокойствия и благочиния, которая состояла из двух отделений. Основными задачами для первого отделения являлись: определение штатной численности полиции губерний, уездов, городов; назначение, увольнение, поощрение, наказание полицейских чиновников. Что касается второго отделения, то оно рассматривало жалобы на полицию. Иначе говоря, налицо было стремление улучшить кадровый состав полиции и усилить контроль за её служащими.

Характерно и то, что Министерство внутренних дел стало издавать подборки нормативных документов, которые относились к деятельности полиции. А полицмейстерам и приставам было вменено в обязанность знакомить своих подчинённых с этими документами. Наряду с введением доплаты за выслугу лет для офицеров полиции, ещё и их пенсии приравнивали к воинским. Объективности ради надо сказать и о том, что одновременно для нерадивых офицеров полиции

был предусмотрен и этакий кнут, так как для них существовали и гауптвахты.

В структуре МВД появилась так называемая «Особая канцелярия» министра. В частности, она занималась делами о злоупотреблениях, допущенных полицейскими чиновниками.

В 1803 году министерством было подготовлено утверждённое императором Положение «О средствах к исправлению полиции в городах». В данном документе, по оценке Александра Борисова, «особое внимание уделялось подбору на службу в полицию достойных чиновников, а также предлагалось рассмотреть соответствие числа полицейских в каждой полицейской части в квартале города, в зависимости от числа жителей и других характеристик города».

В целом, создание МВД «как органа центрального управления полицией» позволило добиться многого. И прежде всего — «эффективнее развивать систему полицейских учреждений с учётом складывающейся социально-экономической ситуации, особенностей полицейской службы в городах и селениях различных регионов страны».

Тем временем реформирование государственного аппарата той поры продолжилось, и попыткой усовершенствования деятельности полиции оказалось образование самостоятельного ведомства. Им стало Министерство полиции, созданное в 1810 году по инициативе русского общественного и государственного деятеля, реформатора и законодателя Михаила Сперанского (1772—1839). Для него не вызывало сомнений, что вследствие важности для государства полиции руководство ею должно находиться в специализированном министерстве, для которого это будет сугубо профильной задачей.

У Министерства полиции во время Отечественной войны 1812 года, разумеется, значительно возрос объём работы. Однако новое ведомство «смогло обеспечить эффективность деятельности полиции

по поддержанию порядка, выполнению требований военных властей, эвакуации населения и ценностей, конвоированию и содержанию пленных, восстановлению жизнедеятельности освобождённых городов».

Правда, возложенная на министерство одна из важнейших задач по улучшению кадрового состава полиции оказалась крайне сложной для практического воплощения, и на то имелись определённые объективные причины. Понятно, что войны с наполеоновской Францией, Османской империей да и начавшиеся масштабные военные действия на Северном Кавказе привели к значительному увеличению затрат на содержание армии, а, значит, средств на полицию не хватало...

«Создание Министерства полиции было очень критически воспринято обществом и многими крупными государственными деятелями, — отмечается в указанной работе Александра Борисова, — видевшими в нём «плод кабинетных измышлений» М.М. Сперанского, оторванных от реалий российской жизни. Они полагали, что лишение полиции осуществления многих административно-хозяйственных функций для России неэффективно. [Историк] Н.М. Карамзин считал, что Министерство полиции — это учреждение, «непонятное для русских», и его создание является одним из проявлений разрыва с традицией российской государственности. Министр внутренних дел О.П. Козодавлев [возглавлял МВД в 1810—1819 годах] назвал Министерство полиции «уродом».

В 1819 году Министерство полиции было ликвидировано. А функции по руководству полицией вновь передали в МВД, в котором создали Департамент полиции.

Александр ТАРАСОВ

Первое МВД России

8 (20 н.ст.) сентября 1802 года утверждён Манифест Александра I «Об учреждении министерств». Для управления государственными делами создаётся единое министерство, разделённое на 8 отделений: военное, морское, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции и народного просвещения. Руководитель каждого отделения именуется министром, и сами отделения сразу после их учреждения официально называются министерствами.

Впервые в России прозвучали понятия «министерство» и «министр». В корне изменилось управление государством. Совершена огромная подготовительная работа. И вот что стало загадочным явлением для большей части россиян, и не только россиян. Коронавание Александра было совершено в Москве 15 сентября 1801 года (отсюда и далее — старый стиль), а 8 сентября следующего года уже перестроено управление государством. Когда ж успел? Попробуем разобраться.

На троне, по давнему предсказанию Державина, явился, наконец, «человек» который в своём манифесте свидетельствовал, что он не солидарен с прекратившейся властью императора Павла и хочет идти по стопам своей Великой бабки, поэтому надежда на лучшее будущее разом охватила всю мыслящую Россию. Участники переворота не были подвергнуты гонению, а увольнение от дел в июне 1801 года графа Палена как бы подтверждало, что новый государь далёк от прежнего режима.

Но в лице Александра явился не подражатель «бабушкину веку», а совсем нового склада руководитель, понять которого было нелегко, потому современники звали его «очаровательным сфинксом», разумея, что его разгадку надо было искать в его воспитании. Екатерина II, как известно, не баловала своего сына материнским вниманием. Павел рос, учась чему-нибудь и как-нибудь, а внука Александра, напротив, окружила блестящими педагогами и наставниками. Верный мечтам своей юности и советам своего воспитателя Лагарпа, Александр окружил себя близкими людьми, которые образовали интимный комитет государя, это были Н.Н. Новосильцев, граф В.П. Кочубей, граф П.А. Строганов и князь Адам Чарторижский.

Александр во время коронавания издал несколько распоряжений либерального характера, даровав свободу и прощение заключённым и сосланным его отцом. Награды, розданные в этот день, не отличались щедростью. Крестьян не было роздано вовсе, к большому огорчению многих, которые ворчливо вспоминали, что император Павел в день своей коронации раздал 82000 душ. Одному из сановников, просившему пожалования имения, Александр ответил: «Большая часть крестьян в России

рабы, считаю лишним распространяться об уничтожении человечества и о несчастьи подобного состояния. Я дал обет не увеличивать числа их и поэтому взял за правило не раздавать крестьян в собственность».

Все вышесказанное и личное чарующее поведение Александра доставило ему огромную популярность.

Пора мне поворачивать разговор к главной теме — созданию Министерства внутренних дел России. Надо полагать, Александр давно мечтал об укреплении правопорядка. Этому подтверждением была выбита бронзовая медаль; с лицевой стороны — изображение государя, а на обороте — часть колонны с надписью на ней «Закон», а вокруг слова: «Залог блаженства всех и каждого».

Итак, 8 (20) сентября 1802 года были учреждены министерства, которые совершенно изменили административный строй империи. Из восьми министерств наибольшее внимание было уделено двум из них: Министерству внутренних дел и Министерству народного просвещения.

Создание первого МВД России было бы просто не реально без участия в нём Михаила Михайловича Сперанского. Забегая на несколько лет вперёд, скажу, что в конце 1808 года российский реформатор Сперанский принял участие во встрече двух императоров — Александра I и Наполеона — в Эрфурте. До нас дошёл рассказ о том, что Наполеон после часовой беседы со Сперанским подвёл его к императору Александру и сказал: «Какого человека вы имеете при себе! Я отдал бы за него королевство!» После Наполеон неоднократно отзывался о Сперанском как о «единственно светлой голове России».

Первым министром внутренних дел был назначен граф Виктор Павлович Кочубей, крупнейший государственный деятель России первой половины XIX века, один из инициаторов и авторов проекта создания министерств. Его товарищем (заместителем) стал член Негласного комитета, личный друг Александра I граф Павел Александрович Строганов. Канцелярию министра возглавил Сперанский, который, будучи её начальником, «показал силу своего творческого ума, внёс в действия министерства жизнь, одушевление, инициативу». Вокруг министерства создалась «могучая кучка», о которой ещё Ломоносов мечтал, «что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать».

Министр внутренних дел, согласно Манифесту об учреждении министерств, должен был «пещись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве всей империи». Это выразилось в сосредоточении в МВД большого объёма внутренних функций государства.

Эдуард ПОПОВ

По следам «денежных старателей»

Издавна борьба с фальшивомонетчиками, которых прежде также называли и «денежными ворами», была одним из приоритетных направлений деятельности отечественных асов сыскного дела. До наших дней дошли интереснейшие документальные свидетельства об изобличении ушлых, хитроумных преступников, повинных в неординарных подсудных алчных прегрешениях.

Сыщик в роли странника

— Царским Манифестом от 25 июля 1811 года было объявлено о создании, в числе прочих ведомств, и Министерства полиции, — говорит ведущий научный сотрудник Центрального музея МВД России Лидия Безрукова, заслуженный работник культуры Российской Федерации. — Однако вскоре в адрес этого вновь образованного министерства посыпалась масса нареканий. Прочитав справедливый тезис, содержащийся в выпущенной в 1995 году в Москве издательством «Наука» книге «Полиция и милиция России: страницы истории»: «В слабости полицейского управления убедился и сам царь. Проведённые по его распоряжению ревизии полицейских учреждений выявили массу недостатков, полусгнившие дела обнаруживались, например, в навозе во дворе полиции, а в остроге арестанты спокойно изготавливали фальшивые ассигнации». Так что вполне закономерно, что в конце 1819 года, когда перераспределялись функции между российскими ведомствами, из МВД выделили сначала департамент мануфактур и торговли, а потом и почтовый департамент. Но в МВД опять передали департаменты полиции хозяйственной и исполнительной.

После Крымской войны 1853—1856 годов (Восточная война), как писал в февральском выпуске журнала «Русская старина» за 1902 год Иван Акимович Никитин, состоявший в середине девятнадцатого столетия чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Северо-Западного края Владимире Ивановиче Назимове, «торговля фальшивками шла бойко». Более того, автор подчеркнул в публикации: «Ни одна из местностей России, как мне кажется, не может поспорить с местным краем по фабрикации и торговле

фальшивыми кредитными билетами. На мою долю выпало до 15 следствий по данному предмету, да это и немудрено...».

В том же журнале в десятом номере за 1906 год говорится, что в середине XIX века в Министерстве внутренних дел был даже образован специальный отдел по борьбе с фальшивомонетничеством. Он со-

стоял из двух подотделов — по внутренним делам и по международным.

Руководитель первого отдела Б.С. Безсонов однажды, чтобы разоблачить группу «денежных воров» из числа старообрядцев, под видом странника — с котомкой и посохом в руках — отправился из Нижнего Новгорода в Сергачский уезд. Там, как поговаривали здешние жители, где-то был скит.

Исхудавший, усталый сыщик отыскал старообрядческое поселение. Чужака встретили с явной настороженностью, потом отчуждение исчезло: лесные отшельники настолько прониклись доверием к прибывшему к ним «страннику», что послушались его — направились

с Безсоновым в столицу, чтобы в городе на берегах Невы, по совету сыщика, заняться «торговлишкой» изготовленными в скитской чащобе «дубликатами» денежных знаков. Само собой, в Петербурге арестовали разом всю шайку фальшивомонетчиков-старообрядцев.

Возглавлявший заграничный подотдел Ю.А. Юнге тоже особо отличился в сыском деле: исключительно собственными стараниями он сумел напасть на след «денежных воров», поддельвавших российские казначейские знаки в зарубежье — на территории Англии. Отправившись один в заграничное сыское турне, целеустремлённый Юнге, как и его коллега Безсонов, расположил к себе преступников. Их арестовали также в Петербурге, куда они спокойно приехали в сопровождении сыщика, проявившего незаурядные артистические способности. Эти фальшивомонетки переправляли липовые деньги обычно в больших посылках, ловко упаковывая подделки в рулоны материи или в привозившиеся из-за границы в деревянных коробках толстые сигары.

Фальсификатор монетной старины

Необычная сюжетная канва получилась в криминальной эпопее бывшего ротмистра Керченской пограничной стражи М. Сазонова, который специализировался на поставке коллекционерам «древних монет». Предварительно изучив премудрости изготовления старинных кругляшей, он в 1868—1869 годах подделал около 50 золотых и некоторое количество серебряных «монетных древностей». Первое изделие, у которого специально была частично стёрта поверхность и появились «технологические шербинки», Сазонов весьма выгодно продал в Одессе одному обеспеченному нумизмату.

К слову, дебютом фальсификатора монетной старины стала «древнегреческая чеканка» по-современному. Довольно долго «сазоновские монеты» воспринимались за подлинные старинные образцы, и только через несколько десятилетий после смерти отставного ротмистра выявили столь тонкую металлофальсификацию — «под оригиналы старинной работы».

По российскому законодательству XIX века фальшивомонетчикам был уготован каторжный этап. За подделывание русских монет предусматривалась для причастных к этому должностных лиц каторга на срок от десяти до двенадцати лет. За участие в поддел-

ке металлических денег, а также за «впуск или привоз русской монеты, сделанной в чужих краях» грозило «наказание второй степени» — каторга от восьми до десяти лет. А за подделку иностранных монет, как и «за всякое участие в ней», была определена в законодательном порядке каторжная кара сроком от четырёх до шести лет. Помимо перечисленных мер, правосудие могло упечь в ссылку в Сибирь и за изменение вида монеты. Угодить же в смиренный дом на год-два преступники могли за заведомый скуп монетных обрезков.

В небольшой брошюре «Береги свой карман», изданной в 1905 году в Саратове, содержался небезынтересный отчёт о пресечении преступной деятельности группы фальшивомонетчиков. Дело по обвинению шестерых крестьян в подделке золотых и серебряных монет российской чеканки и сбыте фальшивок рассматривал Буинский окружной суд Симбирской губернии.

Пятерых подсудимых, вина которых была доказана на процессе, приговорили к лишению всех прав состояния и к «сылке на житье в Сибирь как в отдалённые, так и не столь отдалённые места».

Сундук с тайником

В опубликованных в 1929 году в Париже «Очерках уголовного мира царской России» их автор Аркадий Кошко рассказал о грандиозном деле начала XX века — «эпидемии» фальшивых денег в самодержавном государстве. В своих мемуарах бывший начальник Московской сыскальной полиции и заведующий уголовным розыском Российской империи поделился воспоминаниями о той поразительнейшей афере, которую мастерски пресекли борцы с преступностью.

В 1912 году кредитная канцелярия известила его, Аркадия Францевича Кошко, о появлении в обращении фальшивых сторублёвок идеальной выделки и прислали для наглядного подтверждения несколько их экземпляров.

Главный российский сыщик, придя в Московский купеческий банк, попросил кассира разменять 100 рублей. Тот растянул банкноту, поглядел её на свет и затем, спрятав ассигнацию в ящик, начал отсчитывать клиенту разменную мелочь.

— А сторублёвка-то фальшивая! — усмехнулся проситель.

Кассир оторопело взглянул на respectableного господина и, вынув спрятанную было бумажку, снова принялся усердно её рассматривать.

— Извольте шутить! — наконец, улыбнувшись, отозвался услужливый кассир.

— И не думаю, я говорю совершенно серьёзно.

Рядовой казначей купеческого банка схватил билет и со всех ног бросился к главному кассиру. Но вскоре вернулся торжествующий и иронически заявил навязчивому посетителю:

— Принесите хоть на миллион таких фальшивых бумажек, примем их в лучшем виде.

— И плохо сделаете, так как повторяю вам, что билет подделан. Я — начальник Московской сыскной полиции, и хотел лишь произвести опыт. Во всяком случае, будьте осторожны на будущее время, и вот вам отличительный признак: взгляните на текст, где говорится о наказании, налагаемом за подделку билетов, — на фальшивых он заканчивается аккуратной точкой, на подлинных же точка отсутствует.

Да, фальшивые царские кредитки распознали «на глазок»: помимо лишней точки, на поддельных билетах в рисунке сетки имелись едва приметные различия.

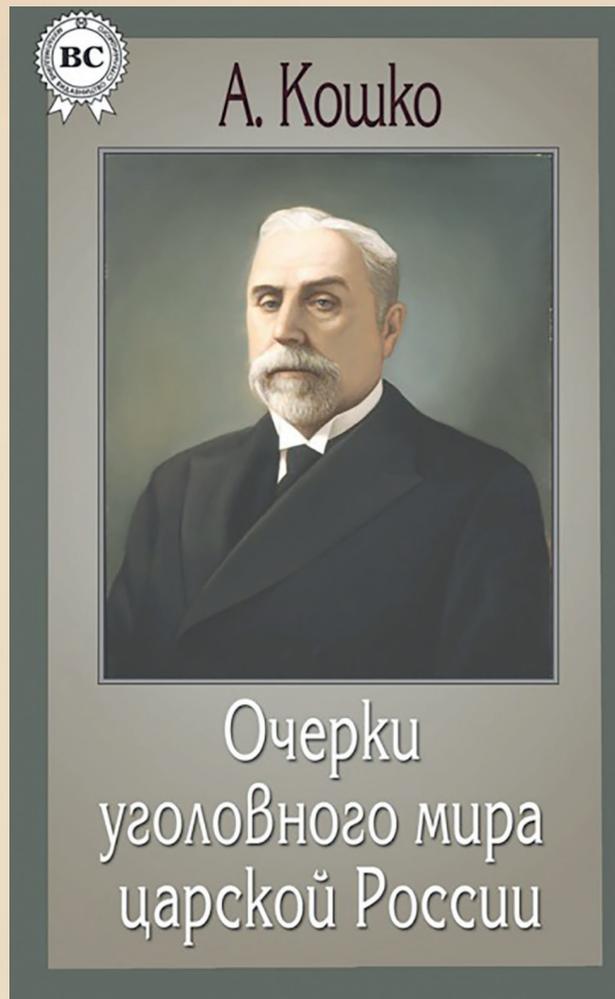
Исходя из того, что местами усиленного хождения фальшивых банкнот являлись Поволжье и Читинский округ Сибири, тамошним сыскным отделениям было отдано распоряжение постараться найти «источник распространения поддельных билетов». Одновременно в места заключения послали запросы о фальшивомонетчиках, отбывающих наказание. В ответ в Московскую сыскную полицию поступили сведения о том, что полгода назад из Читинской каторжной тюрьмы сбежали искусные гравёры по камню Левендаль и Сиив, которые были осуждены за подделку пяти- и десятирублёвых билетов.

Следствие сдвинулось с мёртвой точки, когда читинские сыщики обратили свои взоры на местных золотопромышленников: трёх братьев С. — богатых староверов, пользовавшихся в округе всеобщим уважением. По странному совпадению, фальшивые дензнаки всякий раз заполняли Читинский округ после того, как младший из братьев возвращался из привычного вояжа — парижского.

Установив слежку за подозрительным путешественником, чиновник особых поручений инкогнито сопроводил соотечественника до берегов Сены в его очередной заграничной поездке, а на обратном пути по приходе поезда на пограничную станцию Александрово читинского коммивояжёра арестовал лично начальник Московской сыскной полиции Кошко.

Взломав двойное дно сундука, который старовер вёз с собой, подчинённые высокопоставленного чина уголовного розыска империи извлекли из тайника фальшивки-сторублёвки на 300 тысяч. Позднее с помощью агента русской полиции, посаженного в камеру к арестованному староверу, удалось установить адрес подпольной фабрики в Ницце. Там и задержали Левендаль и Сиива, прижившихся во Франции и наладивших выпуск «кредиток».

Организатором «сторублёвого дела» был как раз младший член читинского братского клана золотопро-

мышленников: сибирский парижанин помог фальшивомонетчикам бежать с каторги за границу, снабдив стоворчивых гравёров приличной одеждой и деньгами, и доставил на неприметную виллу в Ницце всё необходимое: станки, бумагу, краски и прочие «комплектующие».

Поначалу основатель нелегального промысла исправно оплачивал несправедный труд беглых каторжан, а затем стал сильно скупиться, из-за чего наёмные фальшивомонетчики хлебнули лиха. Правда, прижимистый старовер пообещал оголодавшим «эмигрантам» в ближайшее время — сразу же после уничтожения нелегальной фабрики в Ницце — рассчитаться с ними по-царски, но... Но последняя партия контрабандных копий кредиток не принесла их хозяину ожидаемой трёхсоттысячный доход: понятно, вследствие конфискации фальшивых билетов.

Гравёры Левендаль и Сиив обвинительный судебный приговор встретили как должное, а вот староверу-аферисту заслуженное наказание — долгосрочная каторга — было весьма суровой расплатой за «денежное воровство».

Александр ТАРАСОВ

Манифест начала XIX века

В Российской империи сыграл свою вполне определённую роль известный исторический документ — Манифест «Общее учреждение министерств», изданный 25 июля 1811 года.

Манифест зафиксировал, что все министерства состоят из департаментов (управлений). В свою очередь, департаменты подразделялись на отделения (экспедиции), а последние — на столы.

В состав министерств ввели новый совещательный орган — Совет министра, состоявший из высших чиновников того или иного ведомства (министерства) и сторонних «сведущих» людей: фабрикантов, заводчиков, купцов... Было предусмотрено, что дела особой важности не могли быть решены без предварительного рассмотрения Советом министра.

Согласно манифесту, учредили новое Министерство полиции, которое состояло из трёх департаментов, Медицинского совета, Общей и Особенной канцелярии.

Департамент хозяйственной полиции, организованный из пары отделений со штатом из 24 служащих, специализировался на двух направлениях работы: первое из них — продовольственные вопросы; второе — приказы общественного призрения.

Департамент исполнительной полиции, в который входили три отделения со штатом из 32 служащих, занимался следующими разноплановыми вопросами:

- составлением полицейских штатов; назначением, увольнением, награждением личного полицейского состава; рассмотрением губернских отчётов; ведением статистики;

- судебными и уголовными делами; устройством тюрем и их стражи, пересылкой колодников, поимкой беглых и беспаспортных; пресечением бродяжничества, запрещённых игр; крупными должниками, делами о банкротствах; раскольниками; надзором за действиями полиции в поимке преступников, жалобами на действия либо бездействие полиции и тому подобное;

- делами по «отправлению» земских повинностей, сношением (взаимодействием) с воинскими частями.

В третьем департаменте, Медицинском, было три отделения и работали тоже 32 служащих. К ведению данного департамента были отнесены профильные функции, поэтому он занимался:

- устройством медицинского управления и общими вопросами народного здравоохранения;

- заготовками фармацевтических материалов и казёнными аптеками;

- подсчётом сумм и ревизией фармацевтических материалов.

Медицинский совет отвечал за снабжение военного ведомства врачебными средствами, давал заключения по делам судебной медицины, внедрял передовые методы борьбы с болезнями и выполнял другую работу в рамках своей компетенции.

Особенная канцелярия министра полиции состояла из трёх Столов, экзекутора, начальника архива и его помощника. Выражаясь официальной терминологией, предметами (направлениями работы) Столов являлись:

- дела по ведомству иностранцев и заграничным паспортам; ведомости о проезжающих через границу, выдача паспортов на въезд и выезд

из государства, виды на иностранцев, просьбы о принятии в подданство и всё прочее, касающееся иностранцев и заграничных сношений;

- цензурная ревизия: надзор за книгопродавцами и типографиями; наблюдение, «чтобы не обращались книги, журналы, мелкие сочинения и листки, без установленного от правительства дозволения»; сведения «о позволениях, данных для тиснения новых сочинений и переводов»; о ввезённых из-за границы книгах; дозволение новых театральных представлений; надзор над изданием и обращением разных публичных известий (афиш) и прочее;

- дела особенные, которые «Министр Полиции сочтёт нужным предоставить собственному сведению и разрешению».

Следует упомянуть, что при обеих канцеляриях находилось «известное число чиновников, кои, не имея определённых должностей, употребляются по собственному избранию министра для разных местных Управлений; для проверки следствий на местах и тому подобного. Эти чиновники могут, по способностям их, предпочтительно быть определены к той, или другой части полицейской службы, на открывающиеся вакансии».

Надо напомнить, что Особенная канцелярия при министре полиции, первоначально созданная для ведения секретного делопроизводства, по сути выполняла функции политической полиции. К 1819 году начальник Особенной канцелярии, делавший так называемые личные доклады императору, стал фактически независимым от своего министра.

Как известно, одновременно с манифестом опубликовали «Учреждение и наказ Министру полиции». В этом документе указывается, что, действуя в чрезвычайных обстоятельствах, министр полиции — «минюя временного министра» — может брать на себя командование необходимыми воинскими подразделениями и имеет право требовать сведения от всех местных органов, опять же «минюя соответствующие министерства». Кроме того, Министерство полиции наделили правом «надзирать за исполнением законов» по всем министерствам. При этом Министерство финансов было обязано знакомить Министерство полиции, в частности, с «употреблением сумм, выделяемых местным органам».

Первым министром полиции был назначен бывший московский обер-полицмейстер Александр Дмитриевич Балашов (1770—1837), который заодно «по совместительству» являлся санкт-петербургским военным губернатором. Русский государственный деятель из рода Балашовых, ставший в 1809 году генерал-адъютантом и впоследствии (в 1923-м) — генералом от инфантерии, он возглавлял Министерство полиции до весны 1812 года.

Александр ТАРАСОВ

«ЗОЛОТАЯ РОТА»

Только ей император доверял свою охрану

Живой реликвией Московского Кремля начала XX века были гвардейцы легендарной «Золотой роты», созданной ещё в 1827 году именным указом императора Николая I. Так за обилие золотого шитья на мундире, блеск и сияние золотых позументов взыскательная публика окрестила особую роту дворцовых гренадер, в состав которой вошли «цвет и гордость гвардейских полков» — ветераны боёв, которые, по свидетельству современников, «в пороховом дыму, под градом пуль и губительной картечи отстаивали честь и славу своих полковых знамён».

Все зачисленные в роту лейб-гвардейцы, «красавцы и рослые молодцы» ростом не ниже 2 аршин, 9 и 5/8 вершка (184 см) имели знаки отличия военного ордена Святого Георгия или Святой Анны за подвиги в Бородинской битве, за битву под Лейпцигом или за сражение при Кульме. Общим требованием было блюсти усы и баки.

Пункт второй «Правил формирования Роты Дворцовых Гренадер», предусматривал личное монаршее одобрение каждого кандидата: «Никто в Роту не определяется без Высочайшего повеления». Обязанности гренадер были сформулированы царём весьма кратко: «Рота имеет только присмотр и полицейский

надзор во Дворце, а в большие праздники даёт во Дворце почётный караул и посты на особо назначенных местах; кроме же сего никакой другой строевой службы не несёт».

Обрывочные сведения, записки, воспоминания, да ещё рисунки и картины помогают достаточно точно воссоздать внешний облик дворцовых гренадер. Литография Жуковского, картины известного баталиста Ладюрнера, Крендовского, Пояркова, Чернецова, парадные портреты Джорджа Доу в Военной галерее Государственного Эрмитажа — все они не только передают вид отдельных предметов снаряжения, но и воссоздают образы мужественных, бесстрашных, опытных воинов. По личному указанию императора на вазах и столовых сервизах, изготовленных для высочайших особ на императорском фарфоровом заводе, было изображено знамя дворцовых гренадер. Импортантные силуэты стражников гармонично вписались в интерьеры императорских дворцов.

Положение о роте дворцовых гренадер вменяло личному составу в обязанность содержание постоянных постов у памятников императорам и в «других местах по высшему назначению», дежурства в Зимнем дворце, Эрмитаже (в то время Зимний дворец — официальная резиденция русских императоров, а Эрмитаж — художественная галерея, собранная царями и царицами) и всех дворцовых зданиях, выставление почётных караулов и постов при праздничных торжествах и церемониях с участием императора. Гренадерам предписывалось присутствовать на панихидах «по усопшим государям в дни их кончины». Царь выразил пожелание, «чтобы нижние чины сверх того присматривали не только в комнатах, но и в коридорах за всеми неизвестными или подозрительными людьми, дабы не могло быть никакого воровства». Гренадеры должны были «зорко наблюдать за всеми проходящими». А все «мало мальски заподозреваемые лица должны были быть немедленно передаваемы дежурному Дворцовому Гренадеру».

Проявлением особого монаршего доверия было воспринято в роте командирование в Варшаву капитана Лаврентьева 1-го и пяти гренадер с чрезвычайным поручением доставить на коронацию императора Николая I Царем Польским императорские регалии — корону, скипетр, державу, представлявшие не только огромную государственную, но и художественную ценность. Император, проявляя заботу о сохранности

бесценных произведений искусства Эрмитажа, посчитал «единственно возможным поручить и доверить охрану всех предметов в залах музея исключительно испытанным в верности и честности гренадерам Дворцовой роты».

Со временем права и обязанности дворцовых гренадер расширялись. «Золотой роте» была поручена забота о целостности и сохранности дворцового имущества и наблюдение за камер-лакеями и нижними служителями. В приказе министра Двора содержались прямые слова императора о том, что в случае, если гренадер заметит «в ком-либо неблагонадёжность, наводящую подозрение, обязан немедленно доводить о том до сведения». Дежурные гренадеры были обязаны также «наблюдать за топкою каминов, чтобы истопники держали умеренный огонь, и в свое время открывали и закрывали трубы каминов и душники пневматических печей».

Дворцовым гренадерам выпала доля принять активное участие в одном из наиболее трагических событий России — в тушении пожара, практически уничтожившего Зимний дворец в Петербурге в декабре 1837 года. И хотя от огня удалось сохранить Эрмитаж, дворцовый комплекс выгорел полностью. Император Николай I лично руководил спасением обстановки дворца. Под его непосредственным руководством дворцовые гренадеры Семён Кушников, Иван Шевелев, Денис Иванов, Мартын Фёдоров, Лев Жихарев, поминутно рискуя жизнью, спасали от огненной стихии мебель, посуду, мраморные статуи, каменные и фарфоровые вазы, хрусталь, картины, ковры, книги и альбомы — роскошное и ценное имущество царского жилища. Неустрашимым гренадерам удалось спасти портреты генеральской гвардии 1812 года, ризницу и образа из дворцовой церкви, императорский трон из Георгиевского зала, трон императрицы Марии Фёдоровны, все императорские регалии и бриллианты (к слову сказать, ни один из которых не исчез бесследно в карманах гренадерского мундира)...

Пламя пожара унесло жизни трёх самоотверженных гренадер — унтер-офицеров Сидора Михайлова, Александра Иванова и гренадера 1-й статьи Савелия Павлухина. Специальным приказом министра Двора 18 унтер-офицерам, 2 барабанщикам и 104 гренадерам, принимавшим участие в тушении пожара и в спасении дворцового имущества, было пожаловано денежное вознаграждение и всем чинам за действия «посреди угрожавшей опасности с беспримерным самоотвержением» было объявлено Монаршее благоволение.

Беспредельно преданные и верные своему долгу перед Отчизной дворцовые гренадеры были высоко нравственными гражданами, помнившими и свои сыновние обязанности по отношению к престарелым

родителям и родственникам. Упомянутый Александр Иванов — герой, погибший при тушении пожара в Зимнем дворце, — всё время помогал отцу и братьям, оставшимся в помещичьем владении в Тульской губернии. Накопив необходимые средства, он выкупил у помещика Николая Вахрушева 12 душ близких родственников, для которых к тому же приобрёл одиннадцать десятин земли с домом, строениями, инвентарём и скотом. А вот гренадеру 1-й статьи Максиму Сидорову никак не удавалось скопить нужную сумму для выкупа на свободу из крепостной зависимости у помещицы Амачкиной своей единственной сестры Марины. Строптивная барыня

всё время завышала цену «за свою девку». Сидоров обратился к командиру роты полковнику Качмареву с просьбой ходатайствовать перед министром Двора о выдаче ему пособия или заимообразно недостающей суммы. Доброе и сердечное намерение дворцового гренадера встретило отклик и полное сочувствие и по приказанию князя Волконского ему были выданы 200 недостающих рублей в качестве пособия для выкупа сестры.

К повседневной службе дворцовых гренадер в августе 1839 года добавилось яркое и радостное событие — торжества в Москве по случаю открытия памятника в честь Бородинского сражения. К этому времени в роте числилось 45 уцелевших ветеранов памятной битвы. Но 2 штаб-офицера, 4 обер-офицера, 10 унтер-офицеров, 2 барабанщика и 27 гренадер тшкетно льстили себя надеждой принять участие в этом замечательном празднестве. Оставить роту в Петербурге без офицеров и унтер-офицеров было невозможно. Поэтому в Бородино были командированы 9 гренадер и один унтер-офицер. В день открытия памятника у его постаменты был поставлен почётный караул из прибывших гренадер, а вокруг разместилось 120-тысячное русское войско...

Следующая командировка в Москву состоялась через десять лет. В феврале 1849 году по случаю пребывания августейшей семьи в Москве последовало приказание откомандировать туда для содержания постов в Большом Кремлёвском дворце часть отряда. Вскоре, однако, стала очевидной желательность постоянного пребывания в Москве дворцовых гренадер для охраны царских покоев и парадных залов в Кремлёвском Дворце. Осенью этого же года созданный отряд роты в составе 30 гренадер, 1 поручика, 1 прапорщика, 3 унтер-офицеров, 1 барабанщика, 1 флейтщика под началом гвардейского подпоручика Григория Блинова приступил к несению постоянной службы в Кремле. Гренадеры заняли места в карауле в Оружейной палате, в Святых сенях Грановитой палаты, на парадной лестнице, в Георгиевском зале, в Тронном Андреевском зале и у царских апартаментов.

Однако и с созданием московского отряда «Золотой роты» командировки дворцовых гренадер из Петербурга продолжились. Например, дополнительного контингента потребовали коронационные торжества по случаю восшествия на престол императора Александра II.

Тогда же было составлено новое расписание дежурств гренадер «в Большом Кремлёвском дворце и у врат Соборов в день Священного Коронавания». Из этого расписания видно, что рота выставляла два внутренних караула в Андреевском зале, из которых один был со знаменем и имел 12 постов парных часовых. Всего в наряде было 4 офицера, 10 унтер-офицеров, 2 барабанщика, 2 флейтчика и 94 гренадера. В самый канун торжеств 25 августа 1856 года роте были Высочайше пожалованы 127 бронзовых медалей в память

о войне 1853—1856 гг., «причём 91 медаль для чинов, имеющих пребывание в Петербурге на Андреевской ленте и 36 — для чинов Московского отряда на Владимирской ленте». При этом было повелено, «чтобы все чины 26 Августа, во время торжеств Коронавания, имели уже эти медали на себе». Гренадеры стояли на постах всё время продолжительных церемоний. «Иностранные принцы и послы, и многочисленные массы народа», по свидетельству очевидцев, любовались «лихими молодцами». Император Александр II, чрезвычайно довольный службой и безупречной выправкой гвардейцев «Золотой роты», пожаловал «за отлично-усердную службу» в день коронационных торжеств командира роты полковника Горчакова орденом Св. Станислава 2-й степени, командира московского отряда Блинова — производством в штабс-капитаны, а всех чинов роты без исключения — денежными наградами...

Таким образом, на протяжении второй половины XIX и начала XX вв. караульная служба Кремля была в надёжных руках элитного подразделения лейб-гвардейских частей Вооружённых сил Российской империи — дворцовых гренадер, заложивших основы и формировавших традиции охраны Кремля. В коммунистические времена вековые традиции безжалостно отбрасывались и забывались. Их заменяли новыми, соответствующими духу революционных перемен.

Балтийский матрос, большевик Мальков, назначенный в 1918 году комендантом Кремля и в силу этого призванный заниматься его охраной, обнаружил на территории вверенного ему объекта «несколько десятков стариков» — бывших николаевских солдат, не только следивших за сохранностью имущества, но и тщательно убиравших эти помещения. «Жили

старика в Кремле испокон веков, помнили не только Николая II, но и Александра III, — писал Мальков в своих мемуарах. — К обязанностям своим относились чрезвычайно ревностно. Не давали сесть и пылинке ни на одно кресло, ни на одно зеркало. Как занимались они своим делом в прежние времена, так занимались и теперь, после революции». И хотя к советской власти большинство старых солдат относилось с открытой неприязнью, рассказ о них Мальков закончил словами: «Занятные были старики!». Этой фразой и закончилась история московского отряда особой

роты дворцовых гренадер.

На праздновании 200-летнего юбилея Бородинского сражения у памятника Героям вновь можно было увидеть почётный караул в мундирах несгибаемых дворцовых гренадер знаменитой «Золотой роты». Духовные потомки героических гвардейцев энтузиасты-волонтеры в рамках движения военно-исторической реконструкции сумели создать клуб «Рота Дворцовых гренадер». По крупицам члены клуба собирали сведения об амуниции и вооружении дворцовых гренадер, об их функциональных обязанностях и жизненном укладе. Сегодня, когда к нам возвращаются героические имена и названия соединений и частей русской армии, приходит черёд и роты дворцовых гренадер.

*Владимир ГАЗЕТОВ,
профессор Военного университета МО РФ,
Денис ПАХОМОВ*

Ну, настоящий генерал!

Разные бывали состояния и перемены в московской полиции, были удачи и неудачи в её 300-летнем состоянии, удачные и не совсем удачные её руководители. Не обойдём вниманием ни тех, ни других. С 1848 по 1857 год Москвою и её порядком управлял военный генерал-губернатор граф Арсений Андреевич ЗАКРЕВСКИЙ, почти неограниченный паша московский. В великосветских кругах, где его не боялись, его так и называли Арсений-паша.

Это был человек очень ординарный, по уму уровня невысокого, к тому же дурно воспитанный и не только малообразованный, но и малограмотный. Обхождение его с подчинёнными отличалось грубостью: он им говорил «ты», бывал с ними крайне несдержан на язык и нередко опускался до площадной брани. Вот тут мне как автору надо сделать остановку и самому послушать, как он официально характеризовался, что и было изложено в «Энциклопедическом словаре», издававшимся с 1890 года под контролем царского правительства. Это чтобы не было кривотолков о том, что автор публикации понижает роль и достоинство графа, который оставил заметный след в истории правоохранительных органов.

Итак, Энциклопедический словарь: «Закревский (Арсений Андреевич, 1783—1865) — граф, государственный деятель, сын недостаточного дворянина Тверской губернии, воспитывался в отделении гродненского кадетского корпуса, откуда в 1802 году выпущен был в Архангелогородский пехотный полк, командиром которого состоял почти столь же молодой граф Н.М. Каменский. Сближение с графом Каменским положило начало карьере Закревского, человека смышлёного, хотя и совершенно необразованного, плохо знавшего даже русскую грамоту. В качестве адъютанта Каменского, Закревский участвовал в войнах финляндской (1806) и турецкой (1810). Вначале 1811 года граф Каменский умер. Закревский, как ближайший свидетель загадочной смерти молодого полковника, явился к государю с его бумагами и был назначен адъютантом к военному министру Барклай-де-Толли, а потом директором особой при нём канцелярии. В 1812 году За-

кревский состоял при главнокомандующем, а во время походов 1813 — 1814 годов неотлучно находился при императоре Александре I, как один из ближайших к нему генерал-адъютантов. С 1816 года исполнял обязанности дежурного генерала главного штаба.

В 1823 году, Закревский, у которого бывали размолвки с Аракчеевым, послан был генерал-губернатором в Финляндию. В 1828 году Закревский был назначен министром внутренних дел (Опаньки! Это безгра-

мотного, нигде ничем себя не проявившего? — Э.П.) с оставлением в должности генерал-губернатора Финляндии.

Для борьбы с появившейся в России, в 1830 году, холерой Закревский отправился в юго-восточные губернии, на границах которых были им учреждены карантинные пункты. Но вместо того чтобы пресекать эпидемию, они способствовали её распространению, а на население наводили ужас даже больший, чем сама болезнь. Неудача санитарных мер, принятых Закревским, послужила причиной выхода его в 1831 году в отставку. Не у дел находился он до 1848 года, когда назначен был на пост военного генерал-губернатора Москвы. В этой влиятельной должности Закревский отличался склонностью ко всевластию и стремлением во всё вмешиваться (не исключая семейных отношений), превышавшими даже обычную в то время меру.

Уже после того, как дворянство северо-западных губерний изъявило готовность идти навстречу желаниям правительства по вопросу об освобождении крестьян, Закревский не только не позволил созвать в Москве с той же целью дворянское собрание, но даже запретить говорить о реформе, утверждая, что в Санкт-Петербурге одумаются и всё останется по-старому».

Как случилось, что у московской власти оказался такой вот Закревский? Да и в министерстве внутренних дел он был не просто балластом — сколько вреда причинил! Он был уверен, что будучи призван воплощать в себе высшую государственную власть, он стоит выше всяких законов, писанных только для людей незначительных, и ответствен во всех своих поступках только перед личностью самого государя. А государь, напуганный возрастающей напряжённостью в Европе, усиливающимся народным недовольством, сказал,

назначив твердолобого Закревского военным генерал-губернатором Москвы: «Я знаю, что буду за ним, как за каменной стеной».

Очевидно, репутация этого правителя была уже твёрдо установлена. На него смотрели как на какого-то цербера, главное назначение которого заключалось в том, чтобы наводить страх. О работе судебной системы, о работе московской полиции говорить просто не приходится. Всё остановилось. Закревский был закон и суд, и «правопорядок» в Москве. Ещё будучи министром внутренних дел, он отличился тем, что подверг телесному наказанию городского главу какого-то южного городка. Этот «подвиг» даже в то время показался до такой степени выходящим из ряда вон, что никакие протекции не помогли, и Закревскому пришлось выйти в отставку. О том, чтобы судить его, не было и речи.

Следует вспомнить, что в то время — да долго ещё и впоследствии — обращение к административному вмешательству, а в случаях щекотливых — особенно, входило в московские нравы и обычаи. Суду вообще мало доверяли, потому что знали, что он почти всегда зависит от взятки. К тому же судебная машина действовала крайне медленно. В случаях экстренных, требовавших неотложных распоряжений, было выгоднее обратиться к генерал-губернатору, который имел возможность принимать быстрые меры. Так как Закревский ни полиции, ни судебным инстанциям не придавал никакого значения, то стоило принести ему жалобу, правильную или неправильную, по какому-нибудь служебному или личному делу, как он весьма охотно принимал на себя роль дознавателя, следователя и судьи. В таких случаях не требовалось участия даже полиции. К обвиняемому или ответчику посылался казак верхом со словесным приказанием явиться к генерал-губернатору. По какому поводу, зачем, никогда не объяснялось вперёд. В этом был своеобразный устрашающий приём, нечто вроде душевной пытки, так что вызываемый мог всего опасаться, нередко не имел возможности даже догадаться, в чём он провинился. Но сам факт вызова уже не предвещал ничего доброго. Чем объяснение могло кончиться, не мог знать даже полицейский. Но прежде чем дойти до личного объяснения с графом, надо было прождать в приёмной несколько тревожных часов — это тоже была излюбленная манера графа, пытка особого рода.

Но вот вызванного москвича приглашают в кабинет. Процедура разбирательства заключалась в том, что Закревский сразу набрасывался на вызванного, считая обвинение доказанным, и, иногда не давши высказаться, выносил тут же и приговор, который отличался грубостью и несдержанностью выражений. Эти манеры при площадном ругательстве свидетельствовали об отсутствии у самодура надлежащего ума и нередко ставили самого Закревского в неловкое положение, о чём он либо заботился, либо...

Хорошо было ещё, если, протерзавшись в приёмной целый день, без вины виноватый получал выговор,

но мог оказаться в бессрочной высылке, например, в Колу (селение в Мурманском крае).

Немудрено поэтому, что один ветхозаветный купец, востребованный к Закревскому по какому-то ничтожному делу, так перепугался, что, не доехавши до генерал-губернаторского дома, умер от апоплексического удара у себя в экипаже. Как работала полиция в годы губернаторского правления Закревского? Тише воды, ниже травы, главное — так, чтобы не вырос на полицейском дворе зловещий казак на коне с жутким приглашением.

С самого начала своей деятельности в Москве граф Закревский поставил себя к купечеству в очень определённые отношения. В заседании шестигласной думы 15 ноября 1848 года городской голова Семён Логинович Лепёшкин объявил о словесном поручении генерал-губернатора купечеству представить двенадцать троек лошадей со всей упряжью и телегами и пожертвовать военным полкам, проходящим через Москву. Московское купечество с готовностью исполнило устное указание его сиятельства. Далее всевозможные пожертвования по устному распоряжению графа (например, на угощение бессрочно-отпускных, призванных вновь на службу) имели не только определённую сумму, но даже поимённое указание (список) кому и сколько вносить денег.

В 1850 году Московскому пехотному полку были высочайше пожалованы новые знамёна. Закревский требует угощение солдатам, и Купеческое общество ассигнует 700 рублей. Потом в Москву поочерёдно вступают Владимирский полк и егерский. И граф приказывает Купеческому обществу собрать сначала 800 рублей, затем ещё 700 рублей. Угощения — любимое занятие графа, правда, за чужой счёт.

В Москву однажды приехал француз Сулье, содержатель цирка, имевший громкий титул «шталмейстера его величества турецкого султана». Чтобы получить разрешение на устройство представлений с участием наездников, гимнастов и акробатов, Сулье посоветовали обратиться к графу Закревскому. Ну разве могло что-либо произойти в Москве без ведома и разрешения графа? Случилось так, что в день, когда иностранные консулы считали своей обязанностью делать визит генерал-губернатору, приехал и греческий консул в полной форме. Увидев консула, поднимавшегося по парадной лестнице, в парадном мундире и при наградах и знаках различия, Закревский решил, что это как раз и есть француз Сулье, и мимоходом крикнул ему: «Пляшите, скачите, прыгайте! Разрешаю!» Конфуз, конечно. Консул изумлён и растерян. А что же губернатор? Он даже не обратил внимания на осмеянного консула. Для него все люди были — просто трава.

А что же полиция и её руководство? Как работало при самодуре?

Эдуард ПОПОВ

Обер-полицмейстер сватал Пушкина к Наталье

Генерал-лейтенант Иван Дмитриевич Лужин (1802—1868) в 1843—1854 годы был московским обер-полицмейстером, то есть его полицмейстерская деятельность по времени во многом совпала с губернаторством Арсения Андреевича Закревского, суть деятельности которого изложена в предыдущем номере нашей газеты.

Дмитрий Лужин родился 3 сентября 1802 года в семье мелкого помещика в усадьбе села Вечерлей Ардатовского уезда Симбирской губернии. Детство провёл в Москве и получил дворянское домашнее образование.

В военную службу вступил в 1820 году и в феврале 1823 года произведён в корнеты.

В 1826 году был привлечён в качестве обвиняемого по делу восстания декабристов. По показанию А.А. Плещеева, Лужин знал о существовании Северного общества и готов был в него вступить, но этому помешал его отъезд в отпуск. Но поскольку никакой активной противозаконной деятельности Лужина выявлено не было, то император Николай I повелел оставить обвинение без внимания.

В 1828—1829 годах Лужин сражался с турками, за отличия награждён орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. В промежутке между турецкой и польской кампанией он выступал посредником в сватовстве Пушкина.

Зная, что Пушкин давно влюблён в Наталью Гончарову и увидел её на балу у князя Д.В. Голицына, князь Вяземский поручил Ивану Лужину, который должен был танцевать с Гончаровой, заговорить мимоходом с нею и её матерью о Пушкине с тем, чтобы по их отзыву доведаться, как они думают о нём. Мать и дочь отозвались благосклонно и велели кланяться Пушкину. Лужин поехал в Петербург, часто бывал у Карамзиных и передал Пушкину этот поклон.

В 1831 году Лужин женился на дочери влиятельного при дворе графа И.В. Васильчикова и поселился в его петербургском доме, после чего его карьера резко пошла вверх. 19 февраля 1832 года в чине штабс-ротмистра он был назначен флигель-адъютантом, в 1833 году произведён в ротмистры, а 26 марта 1839 года он полковник лейб-гвардии Конного полка. В качестве флигель-адъютанта императора часто бывал в Зимнем дворце. Именно от него стали известны слова Николая I по поводу смерти Лермонтова: «Собаке—собачья смерть».

Лужин 16 января 1841 года был отчислен от лейб-гвардии Конного полка в Свиту Его Величества по квартирмейстерской части (будущий Генеральный штаб). 10 ноября 1843 года назначен командиром Казанского драгунского полка, параллельно исполнял

дела московского обер-полицмейстера. 14 марта 1846 года Лужин был произведён в генерал-майоры Свиты Его Величества с отставкой от должности полкового командира и утверждением в должности обер-полицмейстера. На этом посту находился до 15 мая 1854 года.

Лужин — один из немногих николаевских чиновников, которые пользовались популярностью у москвичей. В 1846 году фрейлина при дворе, хозяйка литературного салона и любимица прогрессивных

поэтов Александра Осиповна Смирнова писала Николаю Васильевичу Гоголю про «удивительного полицмейстера» Лужина: «он так добр и благодарен, вместе с тем и строг и нравственен во всех отношениях, но и он при всей силе телесной и при всём спокойствии душевном устаёт и страдает, Москва отдыхает после Цынского (обер-полицмейстер Москвы, который, по словам князя Дмитрия Голицына, «страшным образом ворует»)». Даже герценовский «Колокол» признавал, что Лужин «безукоризненно исполнял свою должность». В частности, он руководил расследованием шумевшего дела Сухово-Кобылина.

Овдовев в 1842 году, обер-полицмейстер Лужин познакомился в Москве и увлёкся замужней графиней Натальей Александровной Орловой-Денисовой. Современники неоднократно отмечали его многолетнюю влюблённость в графиню, закончившуюся браком, только когда она потеряла мужа, а жениху исполнилось 55 лет.

После назначения генерал-губернатором Закревского, тот сразу не влюбил Лужина за мягкость. Дело даже не в казавшейся или надуманной по злему умыслу мягкости Лужина, а в том, что образованный, деятельный разносторонний Лужин был полной противоположностью бесноватому полудурку Закревскому. И последний всячески мешал в работе, клеветнически оговаривал Лужина перед императором. Он и в дела семейные лез напролом, как, впрочем, в семьи других ему подчинённых чиновников.

Но, не удалось Закревскому нарушить счастье Ивана Лужина и Александры. Да и карьеры обер-полицмейстера Москвы испортить не удалось. Лужин был произведён в генерал-лейтенанты и перемещён на должность курского губернатора.

Эдуард ПОПОВ

Сокрушительная отставка знаменитого пристава

В предыдущих номерах нашей газеты упоминалось имя пристава Лефортовской части в Москве Ивана Осиповича Шишковского, а также рассказывалось о его безуспешной борьбе с кулачными боями. А ещё пристав был знаменит своим пристрастием сечь розгами простолюдинов за незначительные провинности, как то: пьянство, мелкое воровство и тому подобное.

В 50-х годах позапрошлого столетия, когда крепостное право ещё не было отменено, розги были не в новинку и в полиции. Но о том, к чему иногда приводило это «средство воспитания», стоит нам вспомнить.

Вообще этот полицейский Иван Шишковский был большой любитель порки как универсального административного средства при всевозможных обстоятельствах. До какой степени усердия проводил он своё воззрение в жизнь, говорит тот факт, что даже тогдашнее губернское правление, обеспокоенное многочисленными жалобами обывателей на его жестокость, требовало от пристава личных объяснений. Представьте, что полицейский без тени смущения или увёрток признался, что сечёт тех, кто этого заслуживает, и выразил непоколебимое убеждение, что с русским мужиком никакие иные меры, кроме розог,

немыслимы. От губернского правления, он, однако, получил замечание быть разборчивее и осмотрительнее при употреблении в дело этого педагогического средства. Впрочем, ему не удалось воспользоваться этим советом, и после столкновения с вновь открытым мировым судом, когда обнаружались вопиющие факты полицейского деспотизма и произвола, практиковавшихся в Лефортовской части, пристав Шишковский вскоре был уволен со службы.

Современники дореформенной и послереформенной России рассказывали, что ближайшим поводом к отставке Шишковского послужил такой случай. Перед самым открытием новых судов один обыватель, выведенный из терпения безобразиями, распутством и непочтительностью своего сына, решил проучить его, для чего отправился к Шишковскому, прося его содействия — какого именно, той и другой стороне было понятно: молодца следовало пригласить или привести в полицию и в присутствии отца выпороть. Но это случилось как раз после объяснения Шишковского с губернскими властями, и он объявил отцу, что выполнит его желание только в том случае, если тот даст ему письменное полномочие делать с сыном, что ему угодно, а сверх того расписку, что никаких

претензий иметь не будет и жалоб подавать никуда не станет. Не подозревая ловушки, отец согласился на это условие.

Блудного сына привели, раздели, разложили и в присутствии отца и самого Шишковского принялись драть. Сначала отец считал количество розог, потом начал сбиваться, а там и вовсе счёт потерял. А молодец всё дерут, а он орёт благим матом. Сжалился отец: «Не довольно ли, ваше высокоблагородие?» — «Э, что ты, братец, и розги ещё не успели размяться как следует». Подождал отец ещё. Розги продолжают свистать, сын вопить, но уж как будто слабее. Испугался старик, опять к приставу: не довольно ли? А тому кажется, что ещё чересчур мало, и во избежание споров он показывает отцу им же подписанную бумагу: «И если ты опять начнёшь заступаться, то я тебя велю вывести вон». Тут старик понял, как он опростоволосился с этой подпиской. Нечего и говорить, что с его сына семь шкур спустили и что долго ему небо с овчинку казалось, а потом и вовсе перестало казаться. Экзекуцию закончили только тогда, когда наконец испугался сам Шишковский, когда истязуемый

лишился чувств и был вынесен замертво. Потом он очнулся, но ненадолго, ибо тут же впал в жесточайшую горячку, в которой пролежал между жизнью и смертью несколько месяцев.

Этот возмутительный случай получил широкую огласку, которая дошла до властей. Пристав Лефортовской части потерпел сокрушительную отставку, именуемую отставкой без прощения, что означало то же, что с «волчьим паспортом».

В отставке Ивану Осиповичу привелось пожить совсем недолго. Лихой и бравый служака в недавнем прошлом, с 15-летним стажем приставничества, в качестве простого обывателя как-то сразу захирел, осунулся, оказался круглым бедняком. Потом заболел злейшей чахоткой, которая не задержала окончательного расчёта с жизнью. А когда умер, то и похоронен был на средства, собранные от щедрот нескольких фабрикантов, пользовавшихся его благорасположением, когда он был в своей полицейской славе.

Эдуард ПОПОВ

XIX столетие. Москва и её полиция

Собственно, речь пойдёт о 50-х и 60-х годах XIX столетия. В тогдашней Москве ещё сказывались черты прежнего обихода: от неё веяло стариной. Если в Москве не было вовсе влиятельного, правящего чиновничества, настоящей бюрократии и военщины, то зато было ещё достаточно русского барства и связанного с ним крепостничества, при которых, несмотря на московское добродушие и радушие, весьма строго соблюдалось правило: «Всяк сверчок знай свой шесток».

Общественное мнение существовало и тогда, но это, в сущности, мнение весьма ограниченного кружка, формально авторитетного, и вопросы, волновавшие Москву, решались безапелляционно в Английском клубе.

Генерал-губернаторский пост занимал граф Закревский и держал себя именно так, как подобало в то время высшему представителю административной власти, а именно — он был действительным хозяином столицы настолько, что личный авторитет его был в глазах обывателя выше авторитета закона.

Масса населения мало, а порой даже вовсе неграмотная, не считавшая сама себя полноценной частью общества, жила, обладая очень ограниченным горизонтом и сосредоточив весь свой жизненный интерес на мелочах хозяйства, торговли, ремесла, канцелярской службы, а в качестве духовной пищи довольствуясь местными сплетнями да фантастической болтовнёй на политические и иные темы.

Полиции на улицах было немного, но зато представители её, как высшие, так и низшие, были классически хороши, типичны и интересны. Это было время хожалых и будочников, то есть людей, действительно живших в будках. Будки были двух родов — серые деревянные домики и каменные, столь же малого размера, круглые здания, вроде укороченных башен. Внутри будок имелось обычно одно помещение, иногда с перегородкой, большую часть которого занимала русская печь. Иногда, если будка стояла, например, на бульваре, около неё ставилось нечто вроде заборчика, и получался крошечный дворик, в котором мирно хозяйствовала жена хожалого. Надо всё же пояснить это устаревшее понятие «хожалый», то есть рассылный при полиции для разных поручений, а также низший полицейский чин. Во дворике висело на верёвках бельё, стояли принадлежности домашнего обихода, даже прогуливались куры с цыплятами.

Вид самих будочников был поразительный: одеты они были в серые, солдатского сукна казакины, с

чем-то, кажется, красным на вороте, на голове носили каску с шишаком, кончавшимся не остриём, как на настоящих военных кассах, а круглым шаром. При поясе у них имелся тесак, а в руках будочник, если он был при исполнении служебных обязанностей, держал алебарду. Оружие это, на первый взгляд и особенно издали, казалось страшным, а в действительности очень тяжёлое и неудобное для какого-либо употребления. Поэтому будочники чаще всего держали алебарду около будки или прислонив её к забору.

Будочники были грязны, грубы, мрачны и несведущи. Да к ним никто и не думал обращаться за справками, совершенно сознавая, что они лишь живые «пугала», специально приспособленные для того, чтобы на улицах чувствовалась публичкой и была воочию видна власть предержавшая. Да случись какое-либо нарушение порядка, было бы кому доставить нарушителя в полицию.

Начальство хожалых было тоже очень своеобразно: тогдашние квартальные и прочие полицейские чины вплоть до полицмейстера внешним уличным порядком мало занимались. Зато внутренний порядок был всецело в руках полиции, перед которой обыватель-ремесленник, мещанин, торговец и купец, конечно, не из крупных, да и мелкий чиновник беспрекословно преклонялись. Крепостное право ещё не было отменено, и сословия, «не избавленные от телесного наказания», ощущали это непосредственно на себе в провинции и в Москве. Запьянствовавшие или иным способом провинившиеся кучера, повара и лакеи из крепостных отсылались их господами при служебной господской записке в полицию, и там их секли. Так же, попутно, за отсутствием протеста, применялась практика в отношении вольных людей из мещан и фабричных, нередко по инициативе самой полиции и с одобрения публики, а иной раз сами провинившиеся предпочитали такое наказание судебной волоките и лишению свободы за маловажные незначительные проступки, до мелких краж включительно.

Выдающуюся, оригинальную фигуру представлял из себя тогдашний полицмейстер Огарёв, переживший на своём посту эту примитивную эпоху и действовавший и в реформированной Москве. Едва ли был хотя бы один горожанин, не знавший Огарёва в лицо. Это был муж огромного роста и соответствующего телосложения, весьма воинственного вида и с громадными ниспадавшими усами. Он обладал громоподобным голосом, могучей энергией и решительностью. Огарёв разезжал по Москве в небольшой пролётке на

паре с пристяжной, отчаянно изгибавшейся на скаку. В юмористическом журнальчике «Развлечение», издававшемся в тех же пятидесятых-шестидесятых годах, была помещена карикатура, изображавшая Геркулеса, сидящего с прялкой у ног Омфалы (лидийская царица, дочь, по другим сведениям рабыня, бога реки Иордана, покровительница удовольствий), причём Геркулес имел обличие Огарёва, а Омфала напоминала одну известную в то время актрису, к которой будто бы Огарёв был неравнодушен. Далее такой картинки иллюстрированная сатира ещё не шла.

Личная и имущественная безопасность обывателей не была сколько-нибудь гарантирована. Но процент воруемых людей и вообще криминального толка был весьма ничтожен. Москва ещё мало привлекала к себе сельских жителей, ещё не калечила их морально и физически, а постоянные жители хотя и не богато, но всё же были обеспечены самым необходимым. Поэтому количество имущественных преступлений было не так уж велико. Они сводились главным образом к карманным кражам и изредка к грабежам. И всё же пробираться ночью одному через площади или тёмные переулки было небезопасно, и при нападении преступника или преступников приходилось рассчитывать только на себя. Полиция в ночные часы на улицах не появлялась.

На Сенной площади в вечернее и ночное время было беспокойно, но и позже, когда на её месте разбили большой бульвар, примыкающий к Страстному бульвару, и площадь шла от Екатерининской больницы вплоть до Страстного монастыря, — все эти места были пустыни. Нередко здесь при наступившей темноте, но даже и не поздним вечером, доносились крики: «Караул, грабят!» И как рассказывали сторо-

жили, наиболее храбрые жители выбегали из домов на площадь или бульвар, а менее мужественные открывали форточки и внушительно и громко возглашали: «Идём!»

В кустарниках при бульварах по вечерам и ночью укрывались жулики, как было принято называть мелких злоумышленников. Полиция их почти не тревожила.

Московская молодёжь делала первые шаги к активному вступлению в общественную жизнь, участвуя в преподавании в народившихся тогда «воскресных школах». Появились демонстративные выступления либерально характера. Так, многочисленной толпой в декабре 1860 года студенты провожали в последний путь умершего в Москве несостоявшегося диктатора восстания декабристов князя Сергея Трубецкого (его могила и надгробие сохранились на старом кладбище возле Новодевичьего монастыря). Студенческое шествие прошло спокойно и полиция не вмешивалась в мирную демонстрацию.

Но через очень короткое время студенческие волнения в Москве всё же начались и даже произошла знаменитая «дрезденская битва» студентов с полицией. Названа была так, поскольку волнения и сопротивление полиции, пока безоружное и плохо организованное, произошли на генерал-губернаторской площади напротив гостиницы «Дрезден». Дело не обошлось без арестов и репрессий, иным, наиболее воинственным юношам пришлось не только оставить университет, но и отправиться в крепость и тюрьмы. Патриархальная Москва понемногу вступала в наступающую «освободительную эпоху».

Эдуард ПОПОВ

Пришло время реформ

В журнале Министерства внутренних дел, который издавался в Санкт-Петербурге, в № 3 за 1833 год — на 324-й странице — отмечалось, что в Москве в XIX веке при населении около 400 тысяч человек за двенадцать месяцев совершалось 5-6 убийств (зачастую очевидных), 3-4 грабежа и разбоя, почти 400 случаев мошенничества и около 700 краж, из которых раскрывались примерно две трети. Иначе говоря, проблема преступности тогда, в первой половине девятнадцатого столетия, «не была социально значимой и не сильно беспокоила власть в дореформенной России».

Правда, при этом в сельской местности, где проживало большинство населения, полиции явно не хватало. В уже цитированном мною в предыдущих публикациях достаточно обстоятельном и содержательном исследовании «Полиция в истории Российской Империи», автором которого является доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России кандидат юридических наук Александр Борисов, справедливо констатируется:

«...Организация сельской полиции не изменилась со времён Екатерины II. Глава сельской полиции капитан-исправник, избиравшийся местным дворянством, по-прежнему в сопровождении нескольких полицейских разъезжал по уезду, следя за поддержанием порядка.

По просьбе многих губернаторов МВД ввело новое «Положение об устройстве уездной полиции». Теперь уезд делился на полицейские участки — станы, возглавлявшиеся приставом, который постоянно проживал в нём, подчиняясь непосредственно капитан-исправнику. Количество станов в уезде у-

верждалось МВД по согласованию с губернатором. Такая организация усилила и повысила эффективность полиции, что способствовало стабилизации положения в сельской местности.

Отмена крепостного права, лишив помещиков определённых полицейских функций по отношению к своим крестьянам, вызвала необходимость реорганизации полиции страны».

Как известно, один из идеологов и проводников реформы 60-х — 70-х годов XIX века великий князь Константин Николаевич, младший брат императора Александра II, писал как о непреложном факте: «...теперь явились с новой силою жизненно важные вопросы [...] о крайней необходимости устроить судопроизводство и полицию нашу так, чтобы народ находил где-нибудь суд и управу, чтобы приказания правительства исполнялись». Данное утверждение, если делать точную ссылку на документальный источник, напечатано на 124-й странице первого тома «Русского биографического словаря» (Санкт-Петербург: 1896 год).

В общем, необходимость реорганизации полиции приравнивалась к другому не менее актуальному вопросу — о судебной реформе. И вполне закономерно, что в 1864 году последняя была осуществлена: причём проведённое судебное переустройство признали «одной из самых значимых и удачных реформ в истории России». Напомним и о другом: после указанной реформы предварительное следствие, которое ранее проводилось полицией, передали в компетенцию судебных следователей. Надо уточнить, что они являлись чиновниками Министерства юстиции.

В свою очередь, отныне полиция могла проводить «дознание посредством розысков, словесными

Квартальный надзиратель. 1853 г.
Городовой. 1853 г.
Градский страж. 1855 г.

Унтер-офицер городской полиции 1867-1884 гг.

Городовой унтер-офицер 1859 г.

Рисунок формы одежды уездного исправника, 1884 г.

Форма одежды уездного исправника, утверждённая 15(27).3.1884.

расспросами и негласными наблюдениями, не производя ни обысков, ни выемок в домах».

Немного раньше, в 1862 году, в империи реорганизовали систему управления полицией. Таким образом, городскую и сельскую полицию в каждом уезде объединили в уездное же полицейское управление. Этой структурой руководил местный главный страж порядка — уездный полицейский исправник. Следует пояснить, что хотя одновременно были повышены оклады полицейских служащих, однако тем не менее их «денежное довольствие» оказалось ниже, чем у других чиновников уезда.

Понятно, подобное «неравенство» очень беспокоило возглавлявших МВД высокопоставленных должностных лиц. Руководство министерства признавало с явным сожалением, что низкие оклады подталкивали многих из полицейских к противоправному поведению. А именно — «к доходам тайным, к скрытому и незаконному налогу на лиц, имеющих нужду в полиции».

Реагируя на сложившуюся ситуацию, министр внутренних дел империи обратился в Государственный Совет с запиской «Об установлении особых сборов для усиления содержания полиции». По мнению министра, повышение жалованья блюстителям порядка (полицейским) требовалось для того, чтобы «полицейская служба, вполне исправная и чистая, не была бы невозможностью». Безусловно, в период реформ вопрос о совершенствовании финансирования полиции обсуждался долго. В конце концов, в 1866 году специально созданная распоряжением императора комиссия при Министерстве финансов рекомендовала МВД сократить

численность полицейских, что, соответственно, дало бы возможность повысить жалованье оставшимся правоохранителям того времени.

Само за себя говорит то, что с предложенным «выходом» Министерство внутренних дел империи не согласилось. Более того, в 1878 году, «в условиях роста социальной напряжённости в сельской местности», была введена новая низшая полицейская должность — уездный полицейский урядник. На эту службу принимались, как правило, отставные солдаты и унтер-офицеры. Увы, многие из новичков были малограмотны. Однако МВД не имело реальной возможности набирать на должность урядника других претендентов, которые желали бы за не очень высокое жалованье рьяно выполнять многочисленные полицейские обязанности.

Александр ТАРАСОВ

Могучие и свирепые охотнорядские мясники

Охотный ряд. Газета «Петровка, 38» о нём уже рассказывала, но разве можно в один заход всю его историю живописать? О нём, великом Охотном, ещё книги будут создавать и кинофильмы. Но сегодня у нас одна цель: посмотреть, что тут было криминального.

В центре Москвы, на самом бойком месте, между Тверской улицей и Театральной площадью, тянется длинный ряд невзрачных, низких лавок и подвалов, торгующих мясом, дичью, рыбой, зеленью, ягодами, фруктами. Эти лавки и подвалы содержатся очень грязно; сзади них находится большой двор под названием Мытный, здесь в маленьких лавочках продают живую рыбу, раков, куриные яйца и пр.

Что же ещё здесь было во второй половине XVIII века? Посредине Мытного двора находилось длинное одноэтажное каменное здание, в нём помещалось несколько десятков птичьих боен. Эти бойни в центре столицы и окружающие их лавки с тёмными и сырыми подвалами, а равно и все остальные архаические помещения Охотного ряда настолько были грязны и антисанитарны, что их безусловно давно бы следовало сломать и на их месте, по примеру Лондона и Парижа, построить большой центральный крытый рынок. Для

этого и представлялся удобный случай. Но «отцы города» проворонили его.

Господин Журавлёв, владелец Охотного ряда, предлагал городу купить его за полтора миллиона рублей, но городская дума нашла цену слишком высокой и отклонила выгодное предложение. После этого Охотный ряд был продан князю Прозоровскому-Голицину за два миллиона рублей.

Не только антигигиенические торговые ряды, Охотный ряд имел большие праздники. Особенно вербные праздники, освещённые яркими лучами весеннего солнца, большие торжища, представляли собой оживлённую и красивую картину старой Москвы. И было непременно вербное катанье, на котором именитое московское купечество в роскошных экипажах вывозило напоказ своих дочерей-невест.

Вербные катания были особенно красивы и многолюдны в восьмидесятых годах, в них всегда принимал участие «хозяин Москвы» — московский генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруков. На это гулянье он выезжал верхом на красивом коне, окружённый блестящей свитой. Он умел великолепно гарцевать. Ещё бы! Ведь он ещё в юности по окончании курса в школе гвардейских подпрапорщиков

Москва. — Moscow. № 215.
Охотный ряд. — Le marché Okhotny.

прошёл службу в лейб-гвардии конном полку, участвовал в польской кампании. А московским генерал-губернаторам был назначен в 1865 году и успешно пребывал в этой должности двадцать пять лет, до 1891 года, пользуясь немалою популярностью среди москвичей.

В дни вербных катаний Долгоруков объезжал Красную площадь, Тверскую улицу и, конечно, Охотный ряд. Это было красивое зрелище, собиравшее по обеим сторонам его шествия множество зрителей.

А где же обещанный криминал? Вот мы к нему и приблизились. В такие праздники высоко в воздухе над головами многотысячной толпы непременно летают большие связки цветных воздушных шаров, при помощи которых московские жулики очищают карманы у почтенной публики. Для этого они устраивают следующий маневр: покупают у разносчиков 5-6 больших воздушных шаров, связанных вместе, и пускают их на свободу. Шары быстро поднимаются вверх. Публика, наблюдая за их полётом, поднимает головы, при этом, по обыкновению, многие широко разевают рот...

Этим моментом ловко пользуются воры-карманники, вытаскивая из карманов зевак кошельки, часы и всё, что попадётся. Но это детские шалости по сравнению с более серьёзными событиями, возникшими в Охотном ряду.

До 1881-го, когда молодёжь встала в революционные ряды, убив русского царя, было ещё далеко, но ростки, предвещавшие бури, уже появились. Отмечу, что охотнорядские мясники всегда отличались большой физической силой и свирепым нравом.

Это их качество проявилось в совершенно особом случае.

В восьмидесятых годах начались студенческие протесты и беспорядки, и прежде всего в Московском университете. Студенческая толпа, сметая всё на своём пути, выплеснулась на московские улицы. Студенты демонстративно, с красными флагами, большой толпой прошли по Моховой улице. На углу Охотного ряда и Тверской их встретила полиция, и, преградив путь, просила толпу разойтись. Но ажиотаж достиг пикового часа. Студенты с победными воплями опрокинули немногочисленные полицейские ряды и с революционными песнями продолжили путь. Не знали они, бедняги, не могли предполагать, что их ожидает в следующие минуты. На выручку полиции по собственной инициативе явились охотнорядские мясники и страшно избили студентов. Но это не конец. Войдя в раж, мясники на следующий день продолжали избивать попадавшуюся им на улицах учащуюся молодёжь и заступавшихся за них посторонних людей. Вот так! Любимую, необходимую московскую полицию не замай! Кто бы мог предположить! Теперь полиции пришлось отбивать студентов. И стоило немалого труда укротить охотнорядских защитников полиции.

Эдуард ПОПОВ

(Использованы Энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона, воспоминания московских старожилов в журнале «Московская старина»)

Нечаев и нечаевщина

21 ноября 1869 года в московском Петровском парке убили студента Иванова. Убивали впартером: двое заманили жертву в безлюдное место, затолкали в грот, остальные набросились — один держал за руки, другой душил, третий выстрелил в голову. Тело убитого студента бросили в пруд. Через четыре дня жертву обнаружила полиция. Раскрывала уголовное дело также полиция.

Убийство студента Иванова, ничем не примечательное, гнусное по замыслу и жестокое по исполнению, стало, однако, одним из самых заметных событий XIX века, а тень от него перекинулась на следующий век. Для русской истории убийство студента стало роковым. Дело не в том, что Достоевский взял этот сюжет для романа «Бесы» и тем самым обесмертил убийц и жертву, а в том, что убийство в Петровском парке дало начало движению, получившему название «нечаевщина», по имени Сергея Нечаева, прострелившего голову Иванова. И вот движение под именем убийцы переполняет всю страну. Возникла роковая мета истории — родился террор в России.

На процессе 1871 года выяснилось, что студента Иванова убивали ни за что, просто потому, что он в какой-то малости не подчинился Нечаеву и тот объявил его предателем. Нечаев нуждался в крови. Кровью родоначальник отечественного террора связывал единомышленников. Принцип круговой поруки в дальнейшем использовали все террористы.

Сам Нечаев на процессе не присутствовал, он успел бежать за границу, но полиция нашла всех его товарищей, и они были преданы суду Санкт-Петербургской судебной палаты. Судили их не только за убийство, но и за образование революционного общества. К делу привлечено было 87 человек, в том числе В.И. Ковалевский (впоследствии товарищ министра финансов). Участники убийства Иванова были приговорены к каторжным работам на разные сроки, другие обвиняемые — к более мягким наказаниям, некоторые (в том числе Ковалевский) оправданы.

Но кто же он, этот Нечаев, заваривший такую мерзкую историю?

Сергей Геннадиевич Нечаев родился (20 сентября) 2 октября 1847 года в городе Иваново, умер (21 ноября) 3 декабря 1882 года в Алексеевском равелине Санкт-Петербурга. Русский нигилист и революционер XIX века. Один из первых представителей русского революционного терроризма, лидер «народной расправы».

Автор радикального «Катехизиса революционера».

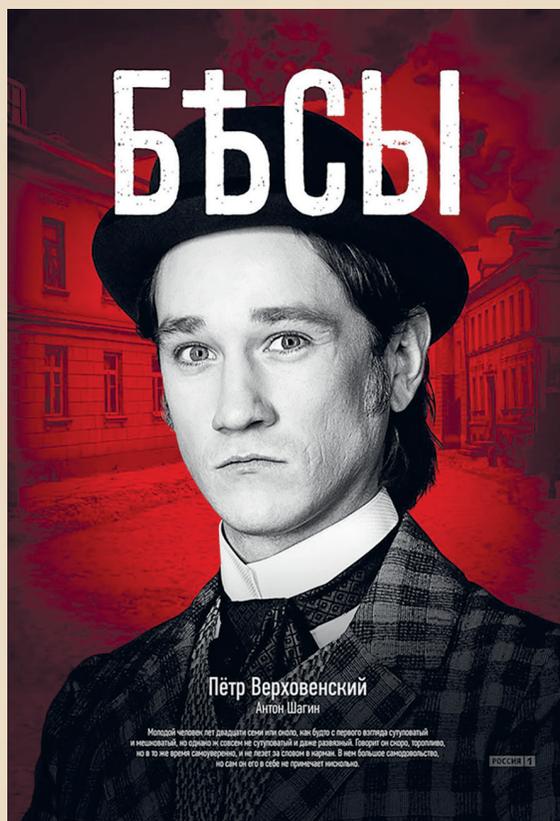
Отец Сергея Нечаева — внебрачный сын помещика Петра Епишева, по рождению крепостной, был усыновлён маляром Павловым и получил при этом фамилию Нечаев («нечаянный», «неожиданный»).

Сергей Нечаев родился в семье бедных родителей — его отец был официантом и художником, мать умерла, когда ему было восемь лет. Отец женился во второй раз, и в их семье появились ещё два сына. Они жили в трёхкомнатном доме с двумя сёстрами, бабушками и дедушками. В юности Сергей был осведомлён о социальном первенстве. В 10 лет он уже изучил ремесло своего отца — обслуживание банкетов. Отец устроил было его на завод в качестве «мальчика

на побегушках», но Сергей отказался от работы слуги. Как ни бедновато жили, но семья платила учителям, обучавшим мальчика латыни, немецкому, французскому, истории, математике и риторике.

В 1865 году в возрасте 18 лет Нечаев переехал в Москву, где работал на историка Михаила Погодина. Год спустя он переехал в Санкт-Петербург, прошёл экзамен на учителя и начал преподавать в церковно-приходской школе, вольнослушателем посещал Санкт-Петербургский университет, знакомился с антиправительственной литературой декабристов, петрашевцев и Михаила Бакунина.

Спал на голых досках, ел чёрный хлеб, подражая Рахметову, аскету-революционеру из романа Чернышевского «Что делать?». Его вдохновила неудачная попытка покушения на жизнь императора, совершённая Каракозовым. Нечаев принял участие в студенческом движении в 1868—1869 годах. Потом участвовал в разработке «Программы революционных мероприятий»,

где предусматривалось создание революционной организации и проведение подрывной деятельности.

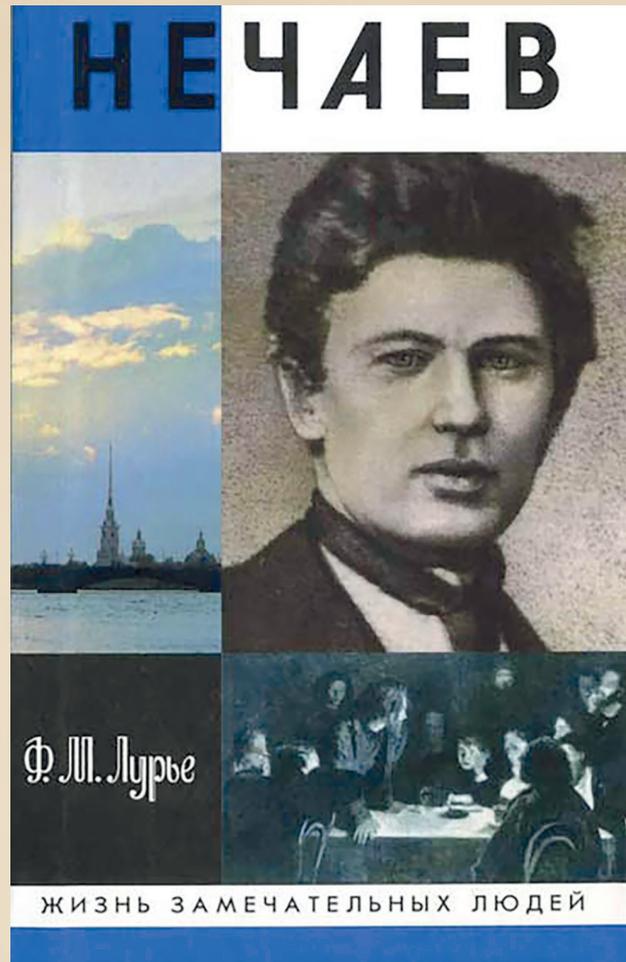
В 18 лет Сергей вступил в кружок анархистов и либеральных социалистов. Сотрудничество с Бакуниным в 1869 году привело к созданию «Катехизиса революционера», который породил много споров и расколов в движениях. Беспощадный террор, подчинение средств цели стали его орудием борьбы, набирающей масштабы, а «Катехизис» стал библией для революционеров. Нечаевщина оказалась настолько радикальным революционным движением с достижением цели любым способом, что вызвала отвращение во многих течениях.

В сентябре 1869 года, вернувшись из-за границы в Россию, Нечаев основал революционное «Общество народной расправы», имевшее отделения в Петербурге, Москве и других городах. «Революционер, — говорилось в «Катехизисе», — человек обречённый, у него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни имени. Он отказался от мирской науки, представляя её будущим поколениям. Он знает... только науку разрушения, для этого изучает... механику, химию, пожалуй, медицину... Он презирает общественное мнение, презирает и ненавидит... нынешнюю общественную нравственность».

Во второй эмиграции Нечаев издавал журнал «Народная расправа» и возобновил издание «Колокола» совместно с Огарёвым и Бакуниным. Но прогрессивные современники отзывались о нём так: «иезуит», «проходимец» (Маркс и Энгельс), «бес», «тарантул» (Достоевский) «монстр» (Михайловский), «революционный обманщик» (Короленко).

В 1872 году правительство Швейцарии выдало Нечаева России как уголовного преступника. В 1873 году дело рассматривалось в московском окружном суде, с участием присяжных. На суде он заявил, что не признаёт этого «шемякина суда», несколько раз выкрикнул: «Да здравствует Земский Собор», и отказался от защиты. Был приговорён к каторжным работам в рудниках на 20 лет. Однако Нечаев не был сослан в рудники, а посажен в Петропавловскую крепость, где с ним обращались не как с уголовным преступником, а как с политическим.

В крепости Нечаев приобрёл большое влияние на караульных солдат, через них вступил в сношения с народовольцами, бывшими на свободе. Желябов предложил ему устроить побег из крепости, но Нечаев отказался, не желая помешать подготовке и осуществлению убийства императора Александра II.

С данным мнением была не согласна Вера Фигнер, но её доводы мало убедительны, скорее она не хотела связывать грязное имя Нечаева с «Народной волей».

Надо заметить, что с именем Нечаева связано немало сюжетов в произведениях многих писателей. Не только убийство Шатова в «Бесах», можем взять более свежий пример. Нечаев — это один из героев исторического романа Эдварда Радзинского «Князь. Записки стукача».

В 1882 году солдат из гарнизона Петропавловской крепости судили за организацию сношений Нечаева с волей и приговорили к разным наказаниям. Вскоре после этого Нечаев умер в каземате от водянки, осложнённой цингой. Но вот что небезынтересно, Нечаев умирает спустя 13 лет после убийства студента Иванова, именно в день, когда он застрелил безвинного человека, — 23 ноября. Как-то мистически, но всё же аукнулось.

Эдуард ПОПОВ

Попытки создания партии эсеров

В середине 1880-х годов возвращается из восьмилетней сибирской каторги П. Николаев. Он живёт во Владимире, Чернигове, Москве и всюду принимает самое активное участие в возрождении террора. Этот Николаев выпестовал будущих членов «Боевой организации» Покотилова и Дору Бриллиант. Вместе с Белевским и Серебряковым он организовал группу, называющую себя «Социал-революционной партией». В неё входили воспитанники московского технического училища и студенты Петровской академии. Программа новой организации, считая самым эффективным средством борьбы — террор, базировалась на единстве и неуловимости. Все члены будущей партии должны были прийти к единому пониманию её задач. Партия, по программе, состоит из отдельных обособленных групп. Боевые группы не готовятся специально, а мгновенно собираются для покушения, а после него участники покушения, незнакомые друг с другом, разъезжаются по своим городам.

Началом деятельности партии считалась революционная агитация, итогом — террор, а партийной целью — политическая свобода и реорганизация общества. Решено также издавать журнал. Он и появился вскоре в Цюрихе с помощью польского кружка Дембо и Дембского — «Самоуправление, орган социал-революционеров». Его распространяли по кружкам в России. Журнал, конечно, сразу стал известен полиции Москвы и Петербурга. Начались аресты.

В 1888 году у петербургской пропагандистки Веры Гурари стали собираться молодые артиллерийские офицеры.

За чаем и папиросами заходил, естественно, разговор о государственном управлении, конституционных свободах. Эти сборища быстро заметила заграница и попыталась дать им политическое направление. Цюрихский террористический кружок, руководимый Исааком Дембо, счёл возможным убить Александра III руками этих офицеров. В кружок входили сёстры Гинзбург, Дембский и химик Прокофьев. В Россию для уяснения обстановки выехала по подложному паспорту Софья Гинзбург. Это была взбалмошная 23-летняя девица, ещё на бестужевских курсах носившаяся с новомодными идеями. За границей она «паслась» возле известного революционера-народника Петра Лаврова. Он происходил из состоятельной дворянской семьи, имел чин полковника и читал лекции в военном училище. В 60-х годах был членом «Земли и воли» и, конечно, не мог быть не замечен полициями двух столиц. В 1866 году был арестован и

Софья Гинзбург

оправлен в ссылку в Вологодскую губернию, откуда в 1870 году бежал и стал эмигрантом, возглавил течение революционной мысли — «лавристов».

Гинзбург видела себя в мечтах героиней, созидательницей новой громкой партии, пришедшей на смену «Народной воле». Большие надежды она возлагала на компанию офицеров вокруг Гурари. Но ей не повезло. В лавке на Васильевском острове она забыла кошелек, где вместе с деньгами лежали прокламации. Владелицу кошелька стала искать полиция двух столиц, и Гинзбург укрылась на юге. Спустя неделю произошло ещё одно событие. Пробуя под Цюрихом бомбы, были ранены Дембо и Дембский. У Дембо оторвало ноги.

Полиция быстро разобралась во всём этом деле. Арестовали двух поручиков, Елизавету Гинзбург. Софью Гинзбург нашли под чужим именем в монастырской гостинице Бахчисарая. Она была приговорена к смертной казни, помилована и через несколько месяцев закончила с собой в Шлиссельбургской крепости.

Но на этот раз партия социал-революционеров ещё не была создана. Но об этом в следующем выпуске нашей рубрики.

Эдуард ПОПОВ

Золотой бычок с бриллиантовыми глазками

В 1866 году стали вводиться мировые суды, но привычными и вполне реально действующими они стали далеко не сразу. Суд скорый ещё долго существовал. Так, однажды на Кузнецком мосту ночью был разграблен меховой магазин Мичинера. Ночные посетители унесли самые дорогие меха почти на сто тысяч рублей, причём каждое меховое изделие имело клеймо хозяина магазина Мичинера.

Следствие было поручено одному из московских квартальных надзирателей. А тот по обыкновению призывает своего агента и спрашивает: «Знаешь ли ты, Карпушка, где меха Мичинера?» Карпушка прыскает от смеха, но, видимо, стесняется сказать. Следователь настаивает: «Ну, чего хохочешь, если знаешь, говори!» «Знаю, ваше благородие, да не смею сказать», — уже давясь от смеха говорит агент. И, наконец, выясняется, что меха Мичинера, все до одного, находятся у пристава одной из частей. Следователь не верит своим ушам, но знает, что Карпушка зря такую ахинею нести не станет, и, как ни щекотливо создавшееся положение, докладывает об этом полицмейстеру Огарёву. И хотя пристав свой брат-полицейский, но до Огарёва иногда доходили слухи о некоторых тёмных делишках этого субъекта, и полицмейстер идёт с докладом к обер-полицейстеру, а тот отдаёт распоряжение произвести обыск у подозреваемого. Результаты обыска превосходят всякие ожидания.

Кроме мичинерских мехов, у пристава (его фамилия до нас не дошла) находят отлитого из золота бычка с бриллиантами в глазницах, стоимость каждого из них превышает несколько сот тысяч рублей. Ай да пристав, ай да молодец! Судьба его, как легко догадаться, не завидна. Срок он получил. Но вот что интересно, раскрытие этого преступления вывело полицию на другое, не менее громкое.

За год до истории с мехами Мичинера, в одной из московских гостиниц остановились два иностранца. На другой день после заселения один из них ушёл прогуляться по Москве, а другой, воспользовавшись его отсутствием, забрал все вещи первого и тоже покинул гостиницу. Первый из них

вернулся и, обнаружив пропажу, поднял шум. Возмущённый, он, размахивая руками, издавая вопли, бегал по гостинице, пытаясь что-то объяснить. Но его языка никто не понимал. У бедолаги не осталось ни вещей, ни документов, удостоверяющих его личность.

На этот скандал была вызвана полиция. Вскоре явился тот самый пристав, что обобрал Мичинера. Он произвёл обыск в номере иностранца и, не найдя никаких документов, отправил его как бродягу в острог вплоть до выяснения его личности.

А между тем в Петербурге безуспешно разыскивали владетельного африканского князька, который путешествовал со своим секретарём, да вот внезапно исчез. Причём было известно, что он всегда носил при себе золотого бычка с бриллиантовыми глазами. Этот талисман имел огромную ценность, и африканский князь поклонялся ему как божеству. А князёк-то уже год томился в остроге по представлению преступного пристава.

И не случись розыска агента Карпушки по делу Мичинера, то этот дагомейский князёк, обобранный ещё и собственным секретарём, так и погиб бы в тюрьме как безымянный бродяга. Так и осталась бы тайной бездеятельность полиции, не проводившей по делу Мичинера настоящего следствия, а лишь по указке Карпушки.

Эдуард ПОПОВ (по рассказу литератора XIX века Елены КОЗЛИНИНОЙ)

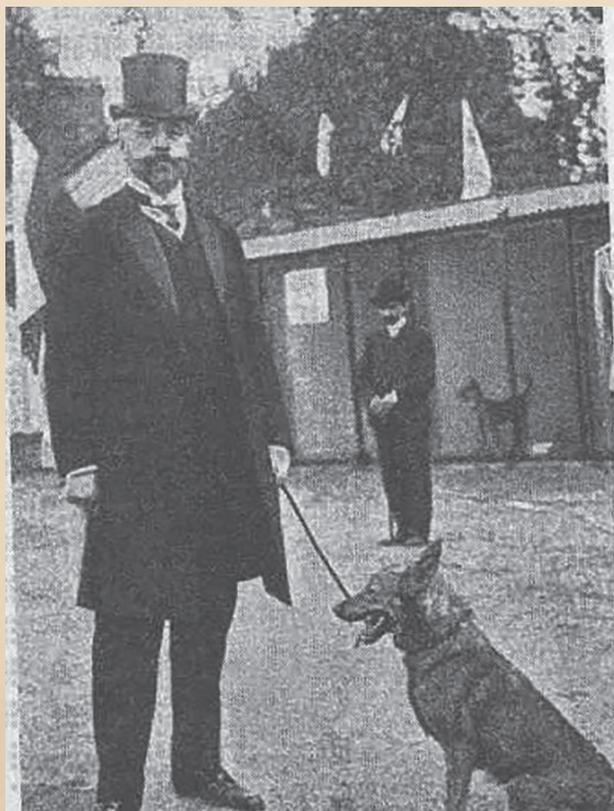

Во главе сыска в Москве и империи

Василий Лебедев родился 8 марта (по старому стилю — 23 февраля) 1868 года в Москве. В 1884—1885 годах будущий главный сыщик Первостольной и империи обучался в учительской семинарии военного ведомства. Вскоре (в 1887 году) он по второму разряду окончил Киевское пехотное юнкерское училище, получив звание подпрапорщика с направлением в 47-й пехотный Украинский полк.

В указанном армейском подразделении выпускник-москвич прослужил шесть лет, и за это время сначала (в 1888 году) стал подпоручиком, а позже (в 1892-м) — поручиком. Однако тем не менее военная стезя не прельстила его, и в сентябре 1893 года поручик Лебедев на основании поданного им рапорта был уволен в запас.

Уже 16 октября того же года для Василия Ивановича начался совершенно новый этап в его жизни: уроженца града на семи холмах (помните знаменитые стихотворные строки Валерия Брюсова: «...Ты стоишь, Москва святая, на семи твоих холмах...») зачислили в штат Московской городской полиции — на должность

Василий Лебедев

младшего помощника пристава 2-го участка Сущёвской части. Через два месяца новичок в полицейской профессии — уже старший помощник пристава, с января 1894 года — исполняющий дела участкового пристава, а с 1897-го являлся участковым приставом Сущёвской части.

Своим ревностным отношением к делу он заслужил непререкаемый авторитет в профессиональной среде блюстителей правопорядка, и в феврале 1903 года Василия Лебедева назначили начальником Московской сыскной полиции. Хотя ею, и об этом объективности ради надо упомянуть, Василий Иванович фактически руководил с февраля 1900-го, исполняя обязанности начальника данной ведомственной структуры.

Официально же во главе сыска Москвы он находился с 1903 по 1905 год, и даже за столь относительно непродолжительное время успел добиться многого.

Ведь именно в этот период, во-первых, была реорганизована по западноевропейскому образцу Московская сыскная полиция. Прежде всего, это коснулось регистрационных учётов сыскного отделения. Таким образом, важным нововведением оказалось создание регистрационного бюро. Соответственно, последовало введение дактилоскопии, антропометрии и фотографии.

Во-вторых, был приведён в порядок архив сыска: Лебедев по сути заново создал его, наполнив новыми материалами — из всех производств и дознаний уголовного характера. Данные архивные материалы были сгруппированы по годам и размещены в шкафах в закрытых комнатах, без доступа к ним посторонних лиц.

По инициативе Василия Ивановича реконструировали всё помещение сыскного отделения. Так, была проведена электрификация, сделаны водопровод и канализация, осуществлена телефонизация кабинетов. Причём имела внутренняя связь с вновь созданны-

ми кабинетами антропометрическим, фотографическим, канцелярией и кабинетом начальника.

Нельзя не сказать о том, что руководитель сыска подготовил и издал первое в России специализированное пособие, в котором были размещены фотографии профессиональных преступников по категориям и словарь воровского языка (Василий Лебедев. Справочный указатель для чинов полиции. — Москва: 1903 год).

К слову, тогда же, на международной выставке уголовно-розыскного дела в Дрездене в 1903 году, впервые были представлены материалы из России. Высокую оценку получила разработанная Василием Лебедевым антропометрическая карточка Московской сыскной полиции.

Немаловажным событием для той поры стала и ещё одна узкоспециальная печатная новинка, автором которой тоже стал начальник сыскной полиции (Василий Лебедев. Искусство раскрытия преступлений. — Санкт-Петербург: 1905).

И тогда же, в 1905 году, он подготовил для московского генерал-губернатора докладную записку (отчёт) о работе отделения сыскной полиции за 20 лет, изложив в документе и свои предложения по улучшению её деятельности. Градоначальник счёл эти предложения обоснованными и включил их в качестве дополнения к своему проекту «Об увеличении штата Московской сыскной полиции».

Заслуживает отдельного упоминания и собранная благодаря стараниям Василия Ивановича обширная профильная коллекция: помимо фотографий, в неё вошли инструменты и тому подобные предметы и орудия преступлений. Высокопоставленный сыщик сохранял такого рода «ра-

ритеты», которыми становились вещественные доказательства по раскрытым с большими трудностями неординарным и выдающимся делам. В итоге действительно уникальная коллекция послужила основой при создании Лебедевым музея московской сыскной полиции.

В ноябре 1906 года он был назначен чиновником особых поручений Департамента полиции при МВД, а через год уже заведовал вновь созданным подразделением — регистрационным отделом.

Как известно, Василий Лебедев был одним из инициаторов создания Российского общества поощрения собак к полицейской и охранной службе. Это общество начало функционировать в Санкт-Петербурге с 23 сентября 1908 года. Председателем совета общества был избран вице-директор Департамента полиции С.П. Белецкий, а его товарищем (заместителем) — В.И. Лебедев.

Прошло меньше месяца, а уже 19 октября 1908 года деятельный Василий Иванович провёл первую Все-

российскую выставку служебных полицейских собак. На этом смотре были показаны двенадцать собак-ищеек из разных мест империи.

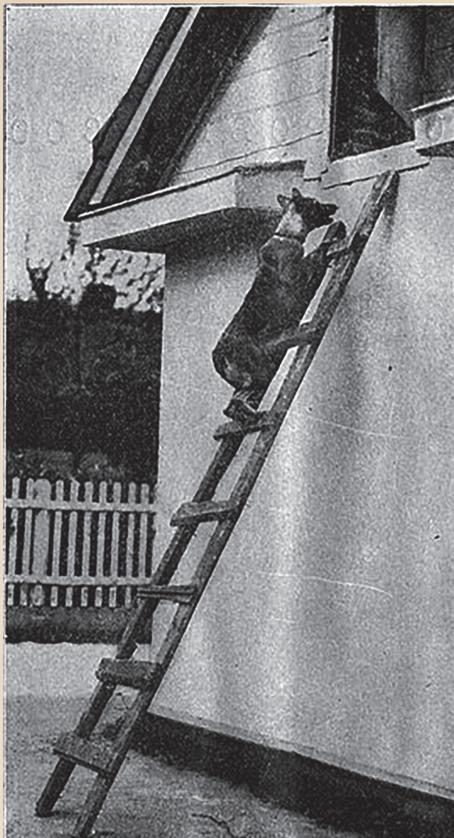
Продолжая уделять серьёзное внимание своему детищу, Лебедев в июне 1909 года при Российском обществе поощрения собак к полицейской и охранной службе организовал питомник. Как раз на его базе и были открыты курсы (школа) по подготовке дрессировщиков собак. Энергии чиновника особых поручений хватило и на основание журнала о полицейских и военно-сторожевых собаках.

После принятия закона «Об организации сыскной части» в 1908 году Василий Иванович возглавил 8-е делопроизводство Департамента полиции, которое осуществляло общее руководство сыскными отделениями на территории Российской империи.

Непосредственной заслугой Лебедева является воплощение задачи по созданию Центрального регистрационного бюро (ЦРБ), а также и организация курсов для начальников сыскных отделений. Он не только разработал программу курсов, но и сам читал лекции по уголовной регистрации, проводя их в виде практических занятий. Вообще же на этих курсах проводились лекции по тактике, приёмам и средствам уголовного розыска, по судебной медицине, новейшим методам описания примет преступника для регистрации и успешного же розыска (то есть по антропометрии, дактилоскопии, судебной фотографии и словесному портрету) и производству дознания.

Не менее интересно и то, что в 1909—1912 годах в качестве дополнения к журналу МВД «Вестник полиции» вышел в трёх частях уже называвшийся труд Василия Лебедева «Искусство раскрытия преступлений» (отдельно: по дактилоскопии; по антропометрии; по судебно-полицейской фотографии).

7 июня 1912 года Лебедев подготовил докладную записку министру внутренних дел об организации «летучих отрядов сыскной полиции» (оперативного подразделения) «с целью планомерной борьбы с преступностью в уездах вне мест нахождения сыскных отделений, главным образом для предупреждения и прекращения деятельности разбойников, воровских или мошеннических организаций, и вообще для задержания и изобличения таких профессиональных преступников» по опыту действовавших во Франции и Германии мобильных бригад. Предложение о создании «летучего отряда» из чинов уголовного сыска при Департаменте полиции получило поддержку.

Опять же по инициативе Василия Лебедева в октябре 1912 года при Департаменте полиции в Санкт-Петербурге был создан музей уголовного сыска и научной техники расследования преступлений. В журнале «Вестник полиции» в № 43 за 1912 год пояснялось, что экспозиция должна была использоваться «...как учебно-показательный материал при подготовке полицейских чинов к занятию должностей по сыскной полиции».

Судьбе было угодно, чтобы в 1913 году Василий Иванович стал и редактором «Вестника полиции».

Вскоре, в 1914 году, Лебедев принял участие в I Международном полицейском конгрессе, проходившем в Монако. В начале XX века в России практик и теоретик сыскного дела считался одним из лучших специалистов по линии уголовной регистрации. Надо выделить, что под его

руководством в Центральном регистрационном бюро Департамента полиции ещё в 1909 начали одними из первых проводить дактилоскопические экспертизы.

В июне 1914-го Василий Лебедев передал свою должность чиновника Департамента полиции (главного сыщика империи) Аркадию Кошко.

Весной 1915 года, в апреле, чиновник особых поручений 5-го класса статский советник Лебедев был командирован в действовавшую армию — в распоряжение Верховного начальника санитарной и эвакуационной части (город Львов), где оставался до Февральской революции 1917 года.

После прихода большевиков к власти он эмигрировал во Францию, проведя последние годы жизни на юге этой страны: в курортном городе Ницца, в «Приморских Альпах». Василий Иванович Лебедев умер 9 декабря 1930 года и похоронен на городском кладбище.

За свою многолетнюю ревностную службу Василий Лебедев был награждён российскими орденами Святого Станислава 3-й степени (1895 год), Святой Анны 3-й и 2-й степени (1899, 1903), Святого Владимира 4-й степени (1907) и медалями, а также имел и иностранные ордена.

*Лидия БЕЗРУКОВА,
ведущий научный
сотрудник Центрального музея МВД России,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации*

Уроки событий 1905—1907 годов

Сам по себе характерен такой факт: в журнале «Юридический вестник» в № 1 за 1882 год прямо говорилось, что непрофессионализм и грубость полицейских урядников объясняются «их неудовлетворительным составом и неразвитостью». Вот почему в то время полицейский урядник воспринимается зачастую сугубо с отрицательной стороны. В периодической печати тех лет, причём не только в либеральной, он — урядник — становится, как известно, своеобразным символом «полицейского произвола».

Обращаясь к осуществлённым в 1860-х — 1870-х годах реформам, надо упомянуть, что они, по оценкам учёных, существенно изменили судебную систему, а также «создали органы местного самоуправления — земства, органы городского самоуправления — городские думы, изменили порядок комплектования армии, затронули другие сферы общественной жизни». Правда, полицейской реформы, соответствовавшей бы упомянутым заметным переменам в государственном обустройстве, не было проведено. Таким образом, данный диссонанс, по мнению известного российского юриста и государствоведа А.Д. Градовского, привёл к плачевным последствиям: «...полиция представляет контраст с основаниями и порядком деятельности но-

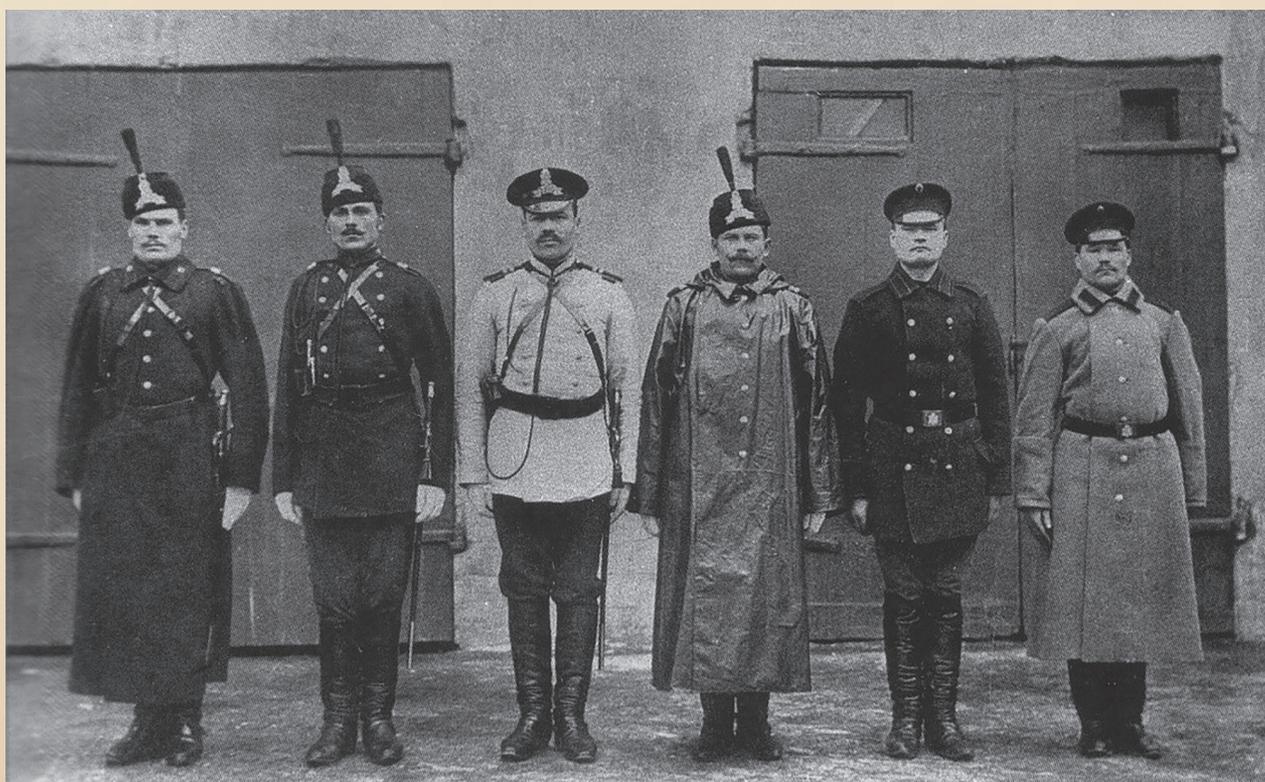
вых учреждений. Этот контраст — источник того недружелюбия к полиции, которое так часто проявляется в нашем обществе» («Голос»: 1881 год, № 11).

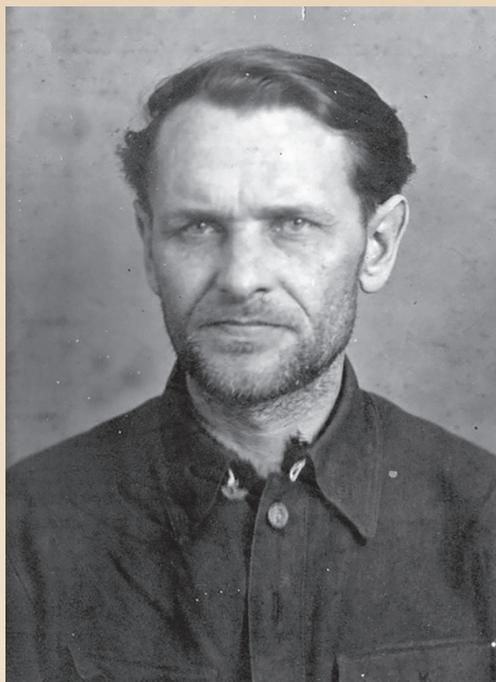
В своей исследовательской работе о роли полиции в истории Российской империи доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России Александр Борисов, кандидат юридических наук, не просто констатирует сложившуюся диспозицию, а по сути делает вывод о том, что столь явное недружелюбие по отношению к полиции закономерно и наиболее зримо выплеснулось в чрезвычайно беспокойное время — в начале XX века:

«...Особенно это «недружелюбие» проявилось в период революции 1905—1907 г. После трагических событий 9 января 1905 г., несмотря на то, что в этот день погибли и полицейские, шедшие впереди колонн демонстрантов и охранявшие их, даже в либеральном журнале «Освобождение», издававшемся за рубежом, был опубликован призыв к террору против полицейских.

Полиция не готовилась к предотвращению и подавлению масштабных массовых беспорядков, в которых участвовали бы вооружённые и организованные люди.

Она недостаточно активно проявила себя в годы революции, потеряв при этом за период с ноября 1905

г. по апрель 1907 г. 288 человек убитыми и 383 ранеными.

Уроки событий 1905—1906 гг., изменение государственного строя — принятие Основных государственных законов 1906 г., бывших в определённой мере первой российской Конституцией, создание законодательной Государственной Думы и Государственного Совета определили необходимость реформы и укрепления полиции.

Особенно в этом нуждалась сельская полиция. Аграрная (Столыпинская) реформа приводила к разрушению сельской общины, выполнявшей и функции социального контроля за поведением населения. Появление частной (часто крупной) крестьянской собственности на землю вызывало недовольство люмпенизированной части крестьянства, выражавшееся и в преступной форме. В России появилось такое явление, беспокоившее общественность, криминологов, как «сельская преступность».

В 1907 г. Председатель Совета министров и министр внутренних дел П.А. Столыпин в речи в Государственной Думе объявил о начале подготовки реформы полиции...».

Следует напомнить, что планировалось изменить систему управления полицией. По-своему важным было и то, что предполагалось ввести должность заместителя губернатора по полиции. А ещё среди реформаторских намерений было и освобождение полиции от выполнения функций, непосредственно не связанных с охраной общественного порядка и борьбой с преступностью.

Министерству внутренних поручили разработать Устав полицейский, в котором надлежало чётко определить все права и обязанности полиции, а также и порядок прохождения службы в ней.

«Особое внимание П.А. Столыпин уделял «повышению устойчивости полицейской службы», — выделя-

ет в своём научном труде Александр Борисов, — то есть созданию новых материальных и морально-психологических условий деятельности полицейского.

Жалованье полицейского предполагалось повысить примерно в три раза. Намечалось создание сети специальных учебных заведений для их [блюстителей правопорядка] подготовки, окончание которых должно было стать важным

условием продвижения по службе, планировалось введение относительно высокого образовательного ценза при приёме на службу в полицию. Ставился также вопрос о разработке этики полицейского, судов полицейской чести, создании полицейских клубов. Предлагалось создание при губернаторе специальных советов для решения вопросов о наказании полицейских руководителей за нарушение этических норм, «неслужебные проступки» [обо всём этом «планов громадьё» сообщалось в «Вестнике полиции» в №№ 1, 3 и 6 за 1907 год].

Была создана специальная комиссия для подготовки и проведения реформы. Но она не состоялась. Государственная Дума, утверждавшая бюджет, не выделила необходимых средств на проведение полицейской реформы. Министерство финансов, проигнорировав мнение МВД, что «полицейская служба... наиболее тягостная из всех гражданских служб и по соединенной в ней опасности мало чем уступает военной службе», было категорически против увеличения жалованья полицейским.

Кроме того, в правящей элите — Правительстве, Государственной Думе, Государственном Совете был сделан выбор в пользу укрепления внешней, а не внутренней безопасности. После поражения в русско-японской войне была признана необходимость проведения военной реформы и восстановления значительной части потерянного военно-морского флота, что требовало огромных средств...».

В общем, финансовый фактор в ту весьма неблагоприятную для страны пору фактически поставил крест на полицейской реформе, хотя необходимость её проведения и была вполне очевидна для власти предрекающих в Российской империи.

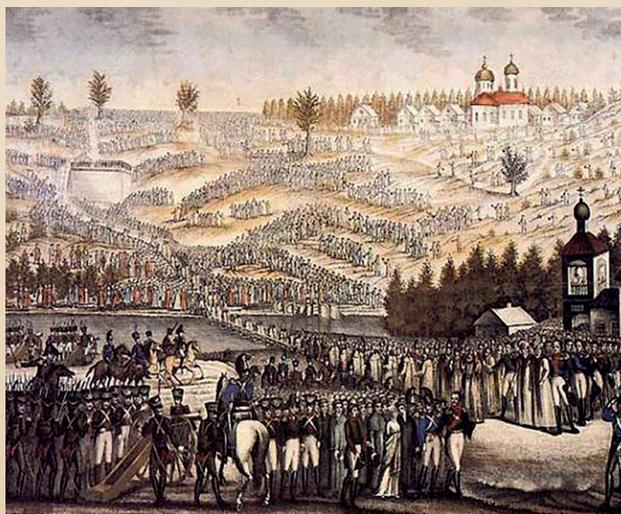
Александр ТАРАСОВ

Непростые времена для стражей порядка

Хотя задуманной в начале XX века реформе полиции не суждено было осуществиться, напомним, по вполне банальной причине — отсутствию необходимых для этого финансовых средств в казне, тем не менее Государственная Дума и Государственный Совет всё же не могли не отреагировать на начавшийся с конца предыдущего столетия рост преступности в стране. Указанными имперскими государственными структурами было инициировано принятие Закона «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 года. Согласно этому документу, при полицейских управлениях создавались соответствующие подразделения — специализированные сыскные части.

Как известно, прежде сыскная полиция существовала только в одиннадцати крупных городах Российской

империи: Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Лодзи, Киеве, Баку, Риге, Одессе, Ростове-на-Дону, Тифлисе и Севастополе.

Было чётко определено, что начальники сыскных отделений и их заместители назначались и увольнялись губернаторами по согласованию с окружными прокурорами. По-своему примечательным оказалось и то, что устанавливалось четыре разряда сыскных отделений. Вполне понятно и объяснимо, что разрядность и, следовательно, жалование непосредственно зависели от числа жителей и уровня преступности на той или иной территории. А также характерно и другое: сыскные отделения первого, то есть высшего, разряда создали только в трёх городах империи: Киеве, Харькове и Тифлисе. Правда, при этом сыскные отделения столицы (Санкт-Петербург) и Москвы были на особом положении.

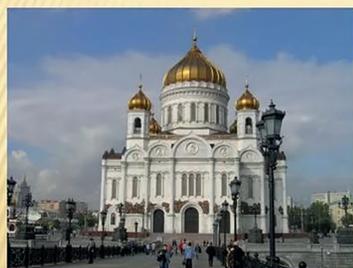
Таким образом, общая численность сотрудников сыскных отделений первого разряда был установлена в двадцать человек, второго — одиннадцать, третьего — восемь, четвёртого — шесть. Следует упомянуть, что всего к 1917 году в стране создали 108 сыскных отделений.

Несмотря на то что сыскная полиция в России не была многочисленной, однако она за счёт сотрудничества с отечественными учёными-криминалистами действовала достаточно профессионально и вполне успешно использовала являвшиеся для того времени эффективными практические наработки — передовые методы расследования преступлений.

Безусловно, в годы Первой мировой войны ухудшилось материальное положение большинства населения страны, в том числе и полицейских служащих. В опубликованном позже, в 1925 году, объёмном документе было зафиксировано признание одного из последних министров внутренних дел Российской империи, которое не требует каких-либо особых комментариев: «создалась угроза, что полиция просто разбежится» (Падение царского режима. Стенографический отчёт Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений царского режима. — Москва, Ленинград: 1925. Том 6. Страница 187).

Из тематического исследовательского труда «Полиция в истории Российской Империи», написанного доцентом кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России Александром Борисовым, доктором юридических наук:

«...В конце октября 1916 г. Совет министров принял Постановление «Об усилении полиции в 50 губерниях

Автором первого проекта храма был архитектор Александр Витберг. Согласно его плану, местом возведения храма Христа Спасителя должны были стать Воробьевы горы, а сам собор должен был состоять из трех частей, связанных между собой и символизовавших Воплощение, Преображение и Воскресение. В нижнем храме предполагалось похоронить останки павших в боях во время Отечественной войны 1812 года.

Согласно плану Витберга, местом возведения храма Христа Спасителя должны были стать Воробьевы горы, а сам собор должен был состоять из трех частей, связанных между собой и символизовавших Воплощение, Преображение и Воскресение. В нижнем храме предполагалось похоронить останки павших в боях во время Отечественной войны 1812 года.

«Вы отгадали мое желание, удовлетворили мысли об этом храме. Я желал, чтобы он был не одной хучей камней, как обыкновенное здание, но был одушевлен какой-либо религиозной идеею, но я никак не ожидал получить какое-либо удовлетворение, не ждал, чтобы кто-либо был одушевлен ею, и потому скрывал свое желание. И вот я рассматривал до двадцати проектов, в числе которых есть весьма хорошие, но все вещи самые обыкновенные. Вы же заставили говорить камни — таков был императорский вердикт»

бу в полицию могли поступать женщины.

Но для реализации этих планов не хватало средств, а главное, как выяснилось впоследствии, и времени.

Когда в конце 1916 г.

в столице и ряде других крупных городов начались массовые беспорядки, полиция, не подвергшаяся своевременной реорганизации, усилению, не обучавшаяся действовать в чрезвычайных ситуациях, несмотря на уроки 1905 г., была сметена. Тем более что армия и казацкие формирования не поддержали её.

Временное правительство, сформированное в основном из либеральной оппозиции в Государственной Думе, упразднило Департамент полиции и полицию вообще. Вместо неё создаётся так называемая «гражданская милиция», оказавшаяся неспособной бороться с преступностью и охранять общественный порядок. Эти функции стали брать на себя Красная гвардия и рабочая милиция, создаваемая Советами рабочих и солдатских депутатов...».

В процитированной научной работе также отмечено, что после Октября 1917 года крупнейший деятель либеральной партии конституционных демократов, министр Временного правительства В.Д. Набоков признал, что недооценка роли полиции, её дискредитация и ликвидация сыграли «очень большую роль в общем процессе разложения России» (В. Набоков. Временное правительство. — В книге: Архив Русской Революции. — М.: 1991. Том 1. Страница 33).

Впрочем, были и другие суждения о начале времени эпохальных перемен. А стражи порядка в любые времена, в том числе и в самые трудные и суровые, несли и продолжали нести непростую службу, защищая в пределах своей профессиональной компетенции государственные устои и борясь с уголовной преступностью.

Портрет Карла Магнуса Витберга Закладка храма на Воробьевых горах

Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов».

Предполагалось увеличить число полицейских. На 400 жителей города должен был приходиться один городской. Уделялось внимание образовательному цензу для занятия полицейских должностей. Правительство обещало повысить жалованье полицейским. На служ-

Александр ТАРАСОВ

Правнук великого сыщика в гостях на Петровке, 38

На Петровке, 38, по приглашению руководства московской полиции состоялась встреча с Дмитрием Кошко — правнуком легендарного сыщика, начальника Московской сыскальной полиции, позднее шефа уголовного сыска Российской империи, Аркадия Францевича Кошко.

Гость с большим интересом ознакомился с экспонатами и документами музея истории Московского уголовного розыска. И конечно, особое волнение вызвала экспозиция, посвящённая Аркадию Кошко. Заместитель председателя Совета ветеранов МУРа Александр Лукашенко рассказал о наиболее значимых эпизодах раскрытия громких преступлений московскими сыщиками. Дмитрий Борисович — известный французский журналист, общественный деятель, живёт и работает в Париже, где после гражданской войны обосновалась семья Кошко. В прошлом году он получил российское гражданство и за заслуги в развитии культурных связей был награждён орденом Дружбы.

Дмитрий Кошко многие годы посвятил систематизации архива прадеда, который бережно хранится в семье. Среди них есть просто уникальные, как, например, расследование печально знаменитого «дела Бейлиса». Об этом и других неизвестных делах легендарного сыщика рассказывается в книге Дмитрия Борисовича «Архивы Парижа. Тайны и герои века. Неизвестные страницы жизни семьи Кошко». Автор с удовольствием подарил её музею истории МУРа.

В этот же день состоялась рабочая встреча заместителя начальника ГУ МВД России по г. Москве генерал-лейтенанта внутренней службы Андрея Понорца с Дмитрием Кошко и автором проекта памятника Аркадию Кошко скульптором Владимиром Ивановым, установить который планируется в сквере у здания Петровки, 38.

24 марта в столичном Манеже прошла презентация книги о великом сыщике.

*Сергей ВОЛОГОДСКИЙ,
фото Ивана ПОДОПРИХИНА*

На снимке: (слева направо) Владимир Иванов, Андрей Понорец, Дмитрий Кошко и Александр Лукашенко

Связывая воедино разные эпохи

На Петровке, 38, в новейший период российской государственности подали замечательный пример, решив поистине связать воедино разные эпохи, в соответствии с историческими реалиями которых довелось нести трудную и опасную службу правохранителям. В административном здании столичной полиции, в фойе на первом этаже, не так давно был открыт связывающий воедино разные эпохи обновлённый мемориал — Доска Памяти Главного управления МВД России по городу Москве. На скорбной каменной скрижали белого цвета золотом написаны имена блюстителей правопорядка, отдавших свои жизни на алтарь борьбы с криминальным злом. И в этот горестный список включены потери московских сил правопорядка на протяжении более 110 лет: с 1905 года и до настоящего времени.

Восстанавливается историческая справедливость

Благодаря целеустремлённости, настойчивости и скрупулёзности нынешних исследователей-подвиж-

ников, действительно восстанавливается историческая справедливость и к нам фактически из полного забвения возвращаются имена ревностных полицейских — забытых героев давнего прошлого.

В газете «Петровка, 38», в № 11 за 31 марта — 6 апреля 2015 года, под рубрикой «Исполняя свой

ДОСКА ПАМЯТИ							
Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Москве							
1905 год Федоров С. Жданов И.Н. Курганов Якубчиков А.М. Богданов А.В. Томокопцева А.П. Чернов И.Ф. Миткович П.И. Волков Ф.И. Космоков С.Г. Гусаров З.Р. Луцкий Ф. Татаринцев А.А. Яковичский Г.	Костюнин А. Шенцов Коршунов Павля Тома 1919 год Овощев Н.П. Раклов И.А. Ниткин И. Тавачч Т.П. Мещис И.К. Ивахин И.П. Войков А.П. Аксин А. Алкин	Хуанков С.П. Харитонов С.Ф. 1938 год Морозов С.М. 1939 год Федоров В.Ф. Горчаков Г.П. 1941 год Ескин С.Э. Завальский И.Н. Минаев И.В. Аксимов А.И. Андреев Н.С. Курятников А.Д. Аушев В.И.	1946 год Алексеев А.С. Ескин А.И. Мигурин С.И. Кузальин И.П. Шербин А.С. Абсамов Ш.Х. 1947 год Артемов П.В. Безов П.П. Выборнов Н.А. Канашкин А.И. Тюрин П.С. Иппин В.А.	1959 год Корняков И.М. 1961 год Монахов А.А. Зайцев И.Д. Федосеев М.М. 1962 год Петушков В.Т. Титков Д.И. 1963 год Майжиков В.М. Царев К.С. 1965 год Чистяков А.Д.	Федак В.И. 1988 год Бакларев В.А. Крылов А.Н. Прутер И.А. 1989 год Калоев Н.Н. Бондаренко К.В. 1990 год Андрейчук А.А. 1991 год Филиппов А.С. Самойлов М.В. Луканин М.Ю. Правдюк Н.П.	Кротов А.А. Чернов-Хлодун И.Н. Захаров И.Т. 1995 год Житовский А.М. Боголюбов Е.Н. Мельников И.В. Черников Е.В. Алехин А.Н. Сайфонов О.В. Адамшин В.М. Теплов М.В. Завкин В.В. Сухоурков А.Е. Федеров А.А.	Аснин Г.Ф. Подсездов А.В. Хохряев Г.Д. Малашев А.В. Черновиков Д.М. Митин Ю.Н. Хомичук В.А. Денисов С.В. Катков С.В. Бегтин С.А. Иванкин С.А. Голыков Д.Е. 2002 год Логинов А.С. Захаров С.В.
Майдибор И.И. Волоншиков А.И. Сахаров И.Т. Бондарев А.Т. Отдальцов О.И. Королев Ф. Пастухов И. 1906 год Коновалов С.Н. Игнатов И.М. Шукин П.П. 1907 год Кропкин П. Горин А. Гончаров Г.	Комов А.С. 1920 год Трулев 1921 год Чурганов А. Суханов М.Ф. Безавин Т. Рахлев Ф.М. Андокушин И.И. Степанов В.А. Шоркин М.С. 1922 год Потанов В.Е. Воткин М.А.	Душманов С.Н. Буренков З.М. Косецкий И.М. 1942 год Бондарчук В.А. Бойко Н.П. Грязлов А.С. Демидов С.И. Жуков И.Н. Иванова О.К. Киселев М.С. Колесов В.В. Коновалов А.П. Наружков А.М. Нейцов М.С.	1948 год Емельянов А.И. Рассказов И.А. Романов Е.Е. Семетин М.И. Лешаков А.С. 1949 год Веденин А.С. Стариков Б.С. Кликин Г.И. Помомаев Н.П. Распертов С.Н. 1950 год Соловьев И.С.	Шаров А.Ф. Шакиров Н.Х. 1956 год Савицкий В.М. 1968 год Алейников П.А. 1972 год Иванчук А.В. Труханов В.Д. 1973 год Ларченко В.Н. 1974 год Зелов В.В. Жеглев Н.А.	Ишонов В.М. Попков Н.А. 1992 год Грубой В.И. Трояцкий В.В. Шалов В.Н. Горюков В.В. Малютин В.И. Коротчиков В.А. 1993 год Томокопцев А.М. Житкин П.Н. Орлов В.А. Луканин А.А. Томокопников В.И.	Котляков С.А. Глебов А.И. Дроздов С.М. Краев А.И. Самозванцев А.В. 1996 год Бухтияров А.М. Буржанский С.В. Приходько А.И. Фомин А.А. Андрющенков В.М. Солдатов И.И. Макаров М.Н. Князев С.П.	Рыбко С.М. Громов Н.А. Нескельский А.М. Финогенов И.А. Нескельский Д.В. Кутепов А.А. 2003 год Литовкин Н.В. 2004 год Кашин С.В. Киреев С.В. Васильев О.Н. Песков В.С. 2005 год Макаров А.Ю.
Андреев Ф. Григорьев Ю. Шмелев Г.А. 1908 год Ленисов Д.П. 1910 год Муратов П.М. 1917 год Мандричук А.К. Дмитриев Н.Ф. Рыков Ф.С. Рязанов Е.Ф. Феофанов Е.Ф. Ефимов-Васильев А.М.	Фрейман М.А. Солдатов П.Г. Царев С.И. Зотов Ананьев Н.Г. Сергеев Т.А. Муратов Г.Т. Деряжнев 1923 год Романов П.И. 1924 год Щеглов В.В. 1925 год Шарамитов А.С.	Савинов И.Ф. Садовский Н.Я. Спирidonов Б.С. Гаченко Ф.С. Фирсов С.В. Царев И.И. Шаб Р.А. Шуринова М.М. 1943 год Комов А.Т. Розкин Н.Н. Павлов М.Ф. Кирьяк И.В. Юдин И.М.	1951 год Бирюков М.И. Стригин П.Д. Товчанкин В.Д. 1952 год Грошев Ф.В. Колычев А.И. 1953 год Баранов А.В. Колесов П.И. 1954 год Улитин И.К. Ерофеев Н.М. Юдин И.М.	Лавов А.М. Помыслов В.П. 1975 год Колдальев М.Д. 1976 год Налетов В.В. 1977 год Кобелев А.В. Никитин М.Б. 1981 год Чистяков В.Б. Баранов В.Ф. 1983 год Сабирянов А.А.	Свириденко В.В. Рештук В.Г. Алехин Е.П. Шенарутин А.Н. Шиваев И.Д. Бойко А.И. Маврин А.И. Фармаков А.М. Палков А.Е. Алексеев В.С. Короничский А.А. Дроздов М.М. Романов А.А. Горюков В.И. Байков А.П.	Бурейников А.В. Стрижачук С.А. 1997 год Чехлов Г.В. Хохлачев А.В. Никитин Ю.Н. Шибалькин Ю.В. Земцов И.В. Танасов А.В. 1998 год Мостяев Э.К. Тересин В.В. Цветков П.В. Горюков С.И. Шиняков Н.М.	Жучков Д.В. Буров В.А. 2006 год Алтурков А.С. Ребриков С.М. Печеникин И.В. 2007 год Бондаренко И.А. 2008 год Исмаилов С.Э. 2009 год Калгин И.В. 2010 год Кимович Д.А.
1918 год Пеклаев С.М. Шамуров Е.П. Маслов И.И. Иванов Полюнин И.П. Котельничков М.И. Алексеев Кукушкин И.Ф. Богдан Ф.А. Панкратов Комиссаров Кавков М.Ф. Васильев Гондальберг	1926 год Короваков И.П. Бобырев И.В. 1929 год Родионов Н.А. 1930 год Аксинцов М.А. Лобанов Н.И. 1945 год Перевезищев П.А. 1944 год Кадриано В.В. 1935 год Коссов А.Д.	1944 год Козлов Ф.Д. Макаруч И.И. Михайлова З. 1956 год Крылов В.М. 1957 год Ситников Г.И. Сергункин В.Н. Чертов А.Т. Виноградов А.А. Бажалов А.А. Нежданов П.С. 1958 год Кукс Д.И. Митин П.К.	1955 год Воронцов С.М. Луканин И.А. 1956 год Крылов В.М. 1957 год Ситников Г.И. Сергункин В.Н. Чертов А.Т. Виноградов А.А. Бажалов А.А. Нежданов П.С. 1958 год Кадмишиков И.Н.	1984 год Спирidonов В.И. Васильков А.Д. 1985 год Туманов В.М. Толстов Ю.А. Лешук А.И. Сомов И.А. Зверев С.С. Завенцов С.А. Ивченко В.П. Борзов М.А. 1986 год Амфилов В.В. 1987 год Романов П.В.	Джиров А.В. Рыжков Н.А. Литковин А.И. Томарев И.Д. 1994 год Аксимов А.Г. Пасечник А.И. Киряука С.С. Хальбинский С.Н. Еремкин А.М. Калмаков В.С. Харамов И.М. Ермаков С.С. Нечая И.В. Киселев Ю.А.	Белкин О.А. 1999 год Антонов В.В. 2000 год Россикин А.А. Саврыкин И.В. Никифоров В.И. Васильев И.С. Иванов А.И. Пыганов А.И. Капусткин А.С. Кузнецов Н.А. 2001 год Левченко В.В.	Исаченко С.Н. Акситов А.В. 2012 год Князев А.Н. 2013 год Воронцов Н.В. Шиняков В.Д. 2014 год Бушнев С.В. 2015 год Балинов Рязанов И.О. 2017 год Грачев С.

долг» напечатана на 12-й странице статья «В память о погибших чинах полиции». В этой публикации, автором которой является ведущий научный сотрудник Центрального музея МВД России (Постоянно действующая выставочная экспозиция, посвящённая созданию и истории МВД России) Лидия Безрукова, заслуженный работник культуры Российской Федерации, рассказывается об удивительной находке-открытии:

«В начале 1990-х годов, когда храм Знамения Иконы Божией Матери за Петровскими воротами был возвращён Русской Православной Церкви, энтузиастами-краеоведами при наведении порядка были найдены части мраморной плиты, с начертанными словами. При соединении фрагментов плиты и в ходе её очистки от грязи проявились фамилии погибших в 1905—1907 годах чинов полиции. Часть фамилий оказалась утраченной. Исходя из полученных данных, можно было понять, что плита связана с событиями первой русской революции 1905—1907 годов, или, как она в то время называлась, «смутной».

Чтобы выявить сведения по данному факту, Лидией Антоновной были просмотрены и изучены газеты тех лет, то есть периодические издания за 1905, 1906 и 1907 годы. Прежде всего — «Ведомости московского градоначальства и столичной полиции», где помещались все приказы по МВД и полиции, «Московские ведомости», «Московский листок», журнал «Вестник полиции». Изучая произошедшие тогда события, сопоставляя даты по оставшимся фрагментам имён, фамилий, музейному специалисту удалось восстановить недостающие фамилии жертв среди полицейских.

Список чинов полиции, погибших при исполнении служебного долга по охранению порядка в период трагических московских событий 1905—1906 годов:

Начальник Московской сыскальной полиции

Александр ВОЙЛОШНИКОВ [убит] 14 декабря 1905 г.

Околоточные надзиратели

Иван МАЙДИБОР [убит] 12 декабря 1905 г.
Гавриил ЯКОВИЦКИЙ [убит] 12 декабря 1905 г.
Иван САХАРОВ [убит] 14 декабря 1905 г.
Иван ИГНАТОВ [убит] 17 июня 1906 г.
Пётр ЩУКИН [убит] 14 августа 1906 г.

Агент охранного отделения

Степан ФЁДОРОВ [убит] 11 мая 1905 г.

Городовые

Иван	ЖДАНОВ	[убит]
3 декабря 1905 г.		
Илларион	ЧЕРНЦОВ	[убит] 5 декабря 1905 г.
Алексей	ТОЛОКОНЦЕВ	[убит] 5 декабря 1905 г.
Пётр	МИТЮНИН	[убит]
5 декабря 1905 г.		
Фёдор	ВОЛКОВ	[убит]
10 декабря 1905 г.		
Семён	КОЛОСКОВ	[убит] 10 декабря 1905 г.

Фёдор ЛУКЬЯНОВ [ранен 10 декабря — умер] 12 декабря 1905 г.

Захар ГУСАРОВ [убит] 10 декабря 1905 г.

Иван ТАТАРИНЦЕВ [после ранения скончался] 11 декабря 1905 г.

Осип ОТДЕЛЬНОВ [убит] 15 декабря 1905 г.

Андрей БОНДАРЁВ [убит] 15 декабря 1905 г.

Дополнительно к именам увековеченных на памятной плите были найдены следующие фамилии погибших полицейских:

Антон БОГДАНОВ [убит] 5 декабря 1905 г.

Антон ЯКУБЧИКОВ [убит] 5 декабря 1905 г.

Иван ПАСТУХОВ [ранен] 21.XII — [умер] 26.XII.1905 г.

Фёдор КОРОЛЁВ [ранен] 21.XII — [умер] 26.XII.1905 г.

И ещё одна цитата из названной статьи:

«...Революция 1905—1907 годов явилась серьёзным испытанием для сложившейся системы правоохранительных органов в целом, а для московской полиции — в особенности. [...]

7 февраля 1907 года состоялось торжество в Московском резерве полиции по случаю освящения сооружённого Военно-Сергиево-Пантелеймоновским Братством нового резного иконостаса с художественно написанными ликами святых, который размещался во вновь переустроенных помещениях резерва полиции при Сретенской части. Одновременно были освящены хоругви и прикреплённая рядом с ними траурная мраморная плита, на которой начертаны имена чинов полиции, убитых и умерших от ран во время смуты 1905—1906 годов в городе Москве».

Среди потерь значатся...

Именно эти павшие люди служебного долга — двадцать из них погибли в 1905 году и ещё двое человек в 1906-м — первоначально и открывали скорбный список на Доске Памяти Главного управления МВД России по городу Москве.

Надо подчеркнуть, что в настоящее время в правоохранительных органах столицы активно продолжается работа по уточнению списка московских стражей правопорядка, которые погибли при исполнении служебного долга. Благодаря этому целенаправленному, кропотливому поиску, на Доску Памяти Главного управления МВД России по городу Москве буквально

в наши дни были добавлены выявленные новые имена сотрудников, отдавших свои жизни на профессиональном посту.

Так, теперь среди потерь 1905 года значится 21 человек, а прежде было известно, как уже упоминалось, о 20 погибших (двадцать первая жертва служебного долга — Кутавой). Что касается 1906 года, то установлен ещё один погибший — С.Н. Коновичин, и, таким образом, сейчас имеется точная информация о 3 жертвах среди блюстителей порядка.

На мраморном мемориале начертаны и другие возвращённые имена: по 1907 году — 6 человек (П. Кропин, Л. Горин, Г. Гончаров, Ф. Андреев, Ю. Гриневич и Г.А. Шмелёв), по 1908-му и 1910-му — по 1 (соответственно — Д.П. Денисов и П.М. Муратов)

Считанные месяцы назад в официальном списке потерь 1917 года были лишь Л.К. Мандричук, Ф.С. Рыков, Е.Ф. Рузанов и Е.Ф. Феофанов. Ныне же известно и о погибших в семнадцатом году прошлого века Н.Ф. Дмитриюке и А.М. Ефимове-Евстигнееве.

В 1918-м в неравной схватке с вооружёнными бандитами получили смертельные огнестрельные ранения милиционеры 1-го Пятницкого комиссариата города

Москвы С.М. Пекалов и Е.П. Швырков, похороненные у Кремлёвской стены. Кроме них, в тот первый послереволюционный год, как было известно, погибли ещё четверо сотрудников. И вот удалось установить ещё дюжину павших в 1918 году на опасной служебной вахте.

Поимённо дополнен скорбный список и по некоторым другим годам.

В мемориальном комплексе с символическим Вечным огнём, на отдельном мраморном мартирологе, словно в своём последнем строю — имена сотрудников московской милиции, героически погибших на фронтах Великой Отечественной войны. В этом бессмертном подразделении столичных стражей правопорядка — Герои Советского Союза Иван Васильевич Кирик и Дмитрий Васильевич Шурпенко, а также и другие храбрые защитники Родины, пожертвовавшие своими жизнями ради Великой Победы.

Увы, гибель на посту наступала сотрудников сил правопорядка и в наступившую мирную пору...

Александр ТАРАСОВ

Дорогие друзья!

Предлагаемый сборник составлен из материалов, посвящённых 300-летию российской полиции. Ранее, на протяжении полутора лет, они публиковались на страницах газеты «Петровка, 38» ГУ МВД России по г. Москве. Их авторы — журналисты этого старейшего печатного органа столичного гарнизона полиции, а также внештатные корреспонденты.

О чём этот сборник? О том, как правоохранительная система в нашей стране зарождалась, развивалась и работала в разные исторические периоды. И, конечно же, о людях, чьими стараниями, трудами, самоотверженной службой она укреплялась, обретала современное строение.

Это издание будет интересно и полезно широкому кругу читателей, интересующемуся историей Отечества. Представленные материалы на основе документов и достоверных фактов в увлекательной форме рассказывают о различных событиях давно минувших лет, их непосредственных участниках.

Примечательно, что сборник выходит в год 95-летия газеты «Петровка, 38». К слову, наше печатное периодическое издание существовало и до революции 1917 года. В распоряжении редакции имеется газета «Ведомости московской городской полиции», датированная пятницей 23 июля 1848 года, и она была уже за № 159. Но официальным временем основания считается 1923-й год. Газета неоднократно меняла название. В 1992 году, когда именовалась «На боевом посту», получила сегодняшнее имя — «Петровка, 38». Сегодня коллектив редакции продолжает традиции своих предшественников, всесторонне освещая на страницах газеты задачи, проблемы, успехи, связанные с повседневной службой сотрудников московского гарнизона полиции.

Данным сборником творческий коллектив издания отмечает два знаменательных юбилея — 300-летие российской полиции и 95-летие основания газеты «Петровка, 38». Мы поздравляем наших читателей с этими праздниками и желаем всем успехов в жизни, труде, службе.

Газета всегда была активным сторонником правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Поддержку полицейским в их нелёгкой самоотверженной службе, редакция всемерно стремится оказать на информационном фронте. «Петровка, 38» является частью связующего моста между полицией и гражданским обществом.

Не случайно, что в разные годы при содействии редакции газеты подготовлено и выпущено в свет несколько десятков альбомов, книг, буклетов и других видов печатной продукции, которые были посвящены деятельности столичных подразделений органов внутренних дел.

Помимо книгоиздания редакция «Петровки, 38» осваивает новые технологические возможности, что способствует расширению читательской аудитории. Сегодня каждый новый номер газеты размещается на официальной странице редакции в интернете, а многие журналистские материалы — в социальных сетях.

Уважаемые читатели, 300 лет российской полиции — это не только ведомственный праздник, знаменательная дата в летописи МВД России. Это часть общей для всех нас истории Отечества. Пусть этот сборник внесёт свою лепту в благое дело, способствующее сохранению памяти о минувшем.

*Главный редактор газеты «Петровка, 38» ГУ МВД России по г. Москве
полковник милиции Александр ОБОЙДИХИН*

Три века на страже закона

Сборник материалов, посвящённых 300-летию российской полиции

Редакционная коллегия:

Председатель, редактор А.Ю. Обойдихин
Заместитель председателя С.С. Страдалов

Члены редколлегии:

Ю.В. Титов
С.А. Осташев
А.Д. Тарасов
Э.Г. Попов
С.М. Дышев
А.Ф. Гололобов

Вёрстка:

Ю.А. Травкина
В.И. Акимова

Корректор:

Л.Ф. Гамаюнова

Компьютерный набор:

Т.Н. Конькова

Оформление обложки:

А.В. Нестеров
Н.В. Рачков

Редакционная коллегия выражает искреннюю признательность
Региональному общественному благотворительному фонду
поддержки правоохранительных органов «Петровка, 38» за помощь
в подготовке сборника к изданию.